Враг моего врага

Автор:
Василий Горъ

Враг моего врага

Василий Горъ

Пророчество #2

Империя Алого Топора готова поглотить Элион. Ни отважные воины, ни мудрые полководцы, ни справедливые короли не способны противостоять жесткому натиску полчищ монахов-фанатиков, жаждущих крови невинных. И есть только одно средство помешать Империи. В полном соответствии с Пророчеством Хранителя – вернуть на Элион когда-то изгнанных из него Тварей. Но кто справится с самими Тварями? Неужели русская девушка Маша, вынужденная бежать из нашего мира? Да, именно она! И ее друг, бесстрашный воин Ольгерд, которого на Земле называли Олегом.

До исполнения древнего Пророчества остаются считаные дни…

Василий Горъ

Враг моего врага

Глава 1

Эрик

…Я улыбался. Щерился во все 32 зуба. И медленно двигался вперед… Жонглируя тремя только что подхваченными с лотка старого Сорена яблоками… И при этом неся что попало:

– Не будут ли так любезны многоуважаемые господа подать монетку бедному жонглеру на небольшого жареного бычка да бочечку какого-нибудь винца? А то я так оголодал, что аж налево тянет! А слева у нас, как известно, харчевня тетушки Агии, где кроме еды еще и девочки что надо!

Однако на группу воинов, приставших к вполне безобидной гадалке, с которой у меня сложились довольно хорошие отношения, мои вопли не произвели никакого впечатления.

Решив чуточку усложнить программу, я «вдруг» поскользнулся, упал на спину и тут же перекатом через голову вскочил на ноги, не дав упасть на землю оставшимся без контроля яблокам, – слава Господу, дядюшка Анобал не жалел розог для моего воспитания, и жонглировать чем попало я научился еще в глубоком детстве. Как ни странно, мое падение тоже никого не удивило. Пришлось хамить:

– Господин хороший! Какая у вас восхитительная походка!!! Вы, наверное, лучший кавалерист в Лурде? Еще бы – такой кривизны ног за свои семнадцать лет я не видел еще ни разу!

Высокий, роскошно одетый дворянин, один из тех мужчин, которых я пытался отвлечь от Эльги, наконец соизволил посмотреть на того, кто умудряется орать у него над ухом. На его лице промелькнула гримаса презрения, потом тень недовольства, а потом он понял, что я обращаюсь именно к нему, и вник в смысл моих слов! Меч свистнул в воздухе и чуть было не разрубил надвое одно из моих яблок – я вовремя «неуклюже» запнулся и пропустил хищное лезвие над своим плечом… Лицо этого напыщенного щеголя начало ощутимо багроветь. Он развернулся ко мне всем телом и прошипел:

– Эй, клоун! Уноси-ка ты свои копытца подальше, пока цел! А то я укорочу твой длинный язык! На целую голову! – Скользнув в мою сторону, он приподнял бровь и чуть шевельнул острием опущенного к земле меча…

Двое его друзей – монахи Ордена – повернули головы в мою сторону, осмотрели меня с головы до ног и, презрительно ухмыльнувшись, продолжили крутить руки старой Эльге. Монах в рясе, подпоясанной синим поясом, вцепившийся в ее правую руку, вдруг завизжал на всю торговую площадь, заставив шарахнуться привязанных у коновязи трактира лошадей:

– Я тебе тоже погадаю! По твоей грязной руке, старая карга! Смотри: ждет тебя большое горе! Ты, бедняжка, потеряешь одну кормилицу! Чрево твое будет сохнуть от недостатка еды, а глаза ввалятся от слез! Язык твой высохнет от причитаний, но некому будет тебя пожалеть, ибо нет сочувствия в этом мире! И никогда не будет!

Он расхохотался, потом, под слитный гогот друзей, взмахнул рукой и добавил:

– Но в отличие от твоего мое предсказание точнее! Потому что оно сбудется! Сейчас! Немедленно!

Он подмигнул второму монаху и, вытянув правую руку Эльги перед собой, одним движением меча перерубил ее в запястье…

Под дикий крик старой гадалки я рванулся вперед… Выхваченный из сапога нож возник в горле хохочущего монаха, все еще сжимающего окровавленный меч… Яблоко, оказавшееся в левой руке, разбилось о переносицу его товарища, а пальцы правой руки вонзились в глазницы замешкавшегося дворянина… Через миг, ударом ноги сломав ногу лошади, на которой восседал еще один монах, я поднырнул под оправившегося от удара яблоком орденца и сломал ему гортань.

Дикое ржание жеребца, грохот падающего с коня воина Алого Топора, визги женщин в толпе зевак, вой ослепленного дворянина, хрип катающегося по земле монаха… – и глаза Эльги, в которых непонимание, боль, страх, надежда. Я захлестнул ее руку вырванным из брюк поясом, затянул узел, вскочил на ноги и метнулся в сторону ближайшей подворотни…

Увы, моя удача мне изменила – слева раздался грохот выбитой двери, и из харчевни выбежало еще несколько монахов… В толпе зевак кто-то взвизгнул, запричитала женщина, кто-то побежал прочь. Я заглянул в чьи-то знакомые, полные ужаса глаза и, рявкнув: «Что встал! Лекаря! Бегом!» – метнулся в противоположную от солдат сторону… Под ногами мелькнул забор, чуть позже

еще один, я завернул за избу Хромого Пипа, скатился в овраг и через минуту оказался в лесу, в котором в такой поздний час меня не нашел бы сам дьявол…

Пробежавшись по знакомым тропинкам, через пару часов я зашел в деревню с другой стороны и, довольно спокойно добравшись до своего домишки, услышал взволнованный голос отца:

– Сынок, бегом сюда!

Я вышел во двор и хмуро уставился на него, чем-то безумно недовольного. Он протянул мне котомку, кошелек, меч и произнес:

– У меня нет слов! Все-таки ты – дурень! Подними ты руку на дворянина, у тебя еще был бы шанс скрыться… А ты додумался убить монахов Ордена Алого Топора. И еще одного ослепить! Они не оставят тебя в покое! Никогда… Поэтому уходи. Сейчас же… А за Эльгой я присмотрю… – он смахнул с лица предательскую слезу и, порывисто обняв меня, стиснул в своих объятиях:

– На поляне у Кривого оврага тебя будет ждать Угол. Не уходи, не переговорив с ним. И дай тебе Создатель удачи! Может, еще свидимся… – Отец тяжело вздохнул, легонько толкнул в меня в грудь и, повернувшись ко мне спиной, побрел в сторону дома, тяжело переставляя изъеденные язвами ноги…

Еще не вполне осознавая, что, собственно, произошло, я добрался до поляны – Угол был уже там… Не тратя времени на «всякую ерунду», он в своей непередаваемой манере короткими, рублеными фразами обрисовал мои перспективы:

– Допрыгался! Хотя и прав! Молодец! Хочешь выжить – иди в Аниор. Поспрашивай – найдешь. Обитель Последнего Пути. Ее сожгли, но кто-то же остался? Наверное… Найдешь – выживешь! Примут, научат, защитят… Удачи! – Он протянул мне маленький тощий кошелек, снял с пояса меч и отдал его мне:

– Возьми. На память. Ты был хорошим учеником, Эрик! Хоть и остался клоуном… Все, иди… Я сказал…

И не дав мне вымолвить ни единого слова, учитель растворился в зарослях, оставив меня одного…

Немного подумав и решив, что стоять на месте бессмысленно, я забросил котомку за спину и понесся по лесу в ставшем привычным за долгие годы тренировок темпе. Бег налегке оказался намного приятнее, чем ежедневные тренировки в труппе или у Угла, поэтому я смог уделить время раздумьям о том, что делать дальше…

…Дорогу до столицы княжества Лурд, Сиэля, я знал неплохо: раз в год мы с труппой ездили туда давать представления на праздник урожая. Миль семьдесят я надеялся пробежать к следующему вечеру, а вот дорогу к портовому городу Сенту не представлял себе совсем. Впрочем, я не думал, что добраться туда будет сложно, и не особенно беспокоился. Меня больше волновало, как отец объяснит городской страже, куда девался его сын, и что будет с Эльгой…

Глава 2

Керром

– Ваше Высочество, разрешите? – голос служанки за дверью вывел принца Керрома из себя отсутствием должного подобострастия. Принц подскочил к двери, рванул ее на себя, и его кинжал уткнулся в надключичную ямочку служанки, стоящей за ней.

– Тебя не учили, как нужно обращаться к особам королевской крови? – зарычал он. – На колени, быдло! – Девушка побледнела и рухнула на колени. По ее лицу побежали слезы, губы задрожали, по шее потекла струйка крови. Дрожащим голосом она прошептала:

– Простите меня, Ваше Высочество, я… меня послал за вами барон Морз!.. Он просил вас явиться в его кабинет, как вы освободитесь… Простите меня, пожалуйста!

Принц нехотя убрал лезвие в ножны, величественно махнул рукой, видимо, прощая непутевую девчонку, заглянул в зеркало у входа в его покои и неторопливо направился по коридору к лестнице, ведущей наверх. По пути он рассеянно разглядывал знакомые портреты предков своего воспитателя и в который раз удивлялся глупости отца: его, наследника престола, отдать на воспитание какому-то барону из глухой провинции? Оторвать от двора и бросить на произвол судьбы? Какие, к черту, традиции могут заставить короля ввергнуть своего собственного сына в нищету? Интересы страны? Он криво усмехнулся и пробормотал себе под нос: «Чтобы будущий король реально представлял себе потребности простого народа, чтобы был он лишен гордыни и тщеславия, чтобы…»

Он мог цитировать письмо отца, посланное с сопровождающим ребенка советником, практически дословно. И каждый раз, когда принц вспоминал об этом унижении, он снова клялся себе, что отомстит; что сядет на престол тогда, когда ему это заблагорассудится, а не тогда, когда отец ему уступит трон; что всех заставит ползать на коленях перед собой, королем Миера! А этого гордеца, барона Морза, который еще в детстве «по секрету» открыл ему тайну его происхождения, он будет использовать сам! И развенчает его пустые надежды, что сможет сделать его, будущего короля, марионеткой!

Лакей у дверей в кабинет барона склонил голову и, постучав в дверь, провозгласил:

– Принц Керром!

Юноша вошел в кабинет, кивнул направившемуся к нему барону и сквозь зубы произнес:

– Что заставило вас, барон, оторвать меня от моих дел в столь ранний час? Я надеюсь, что причина достаточно важна?

Барон преданно заглянул ему в глаза и, приобняв его за плечи, льстиво промурлыкал, расплывшись в счастливой улыбке:

– Безусловно, мой мальчик, безусловно! У твоего, если мне будет позволено считать себя таковым, отчима есть для тебя пара новостей, решение по которым не терпит отлагательства! Я начну, если ты не против?

Его маленькие глазки, выглядывавшие из-под густых бровей, хитро поблескивали и лучились плохо скрываемой радостью. Принц опустился в кресло у камина, скрестил ноги и благосклонно кивнул, приглашая хозяина кабинета присесть рядом и начинать. Он взял с накрытого рядом с его любимым креслом низенького столика бокал с вином, пригубил его и с интересом взглянул на барона.

– Мальчик мой! С огромным удовольствием могу сообщить тебе, что сегодня я получил документальное свидетельство того, что у тебя есть брат-близнец, который, подобно тебе, воспитывается в семье одного из вельмож нашего господина. Не хмурься, сын мой! Да, он имеет на престол такое же право, что и ты, но есть одно «но»! Он – калека! Два года назад его в лесу заломал медведь, и теперь он тебе не конкурент. Нечего было строить из себя героя и защищать какого-то товарища-простолюдина. Нашим планам на престол он уже не помешает. Как тебе вкратце первая новость? – Барон довольно потер ладонью колено, поврежденное в молодости в какой-то странной истории при дворе, и улыбнулся.

– Прекрасно! Хотя я бы предпочел, чтобы какой-нибудь там проходимец, скажем, из этих «Народных Мстителей», закончил дело, начатое и не завершенное этим ублюдочным медведем. Это, конечно, не к спеху, но и откладывать в долгий ящик не хотелось бы… Кстати, а что за вторая новость? Надеюсь, она столь же порадует меня, как и первая? – в голосе принца не было и тени эмоций.

– Увы, Ваше Высочество, вторая новость несколько более грустна: у короля Диона был еще один ребенок. Но вот где воспитывается он, установить пока не удалось. Знаю, что он младше вас на два года, а значит, имеет меньше прав на престол, чем вы.

Глаза юноши полыхнули огнем:

– И вы считаете, что ваш ответ может меня удовлетворить? Не забывайте, барон, что все ваши честолюбивые планы зависят от меня. А я, как вы могли заметить, злопамятен. Не расстраивайте меня, пожалуйста. В общем… – принц встал, одернул камзол и поправил перевязь с мечом, – я пока вами доволен. Но дело превыше всего. Найдите мне его. А калеку отправьте по известному адресу. В мир иной. И поскорее! Имею честь напомнить, что через две недели начинается шоу, от которого мне бы не хотелось отвлекаться по пустякам. Вам понятно?

Барон поклонился и, не поднимая головы, проговорил:

– Все будет исполнено, Ваше Высочество! Не извольте беспокоиться! Я сам займусь этим вопросом! Что-нибудь еще изволите?

– Изволю! В отличие от вас я придумал, как упростить мой путь к трону. И средство будет у меня в руках уже завтра вечером. А послезавтра мы направимся домой, в столицу. И пусть хоть кто-нибудь встанет у меня на пути! Уничтожу! – в глазах юноши полыхнуло темное пламя безумной жажды власти, и барону вдруг стало слегка не по себе, когда он представил, что может вдруг и сам оказаться на пути этого молодого хищника…

…На другой день в поместье въехал порядком запыленный всадник на невысоком буланом коне, видимо, здорово вымотанном долгой дорогой. Немолодой мужчина в пыльном дорожном плаще бросил повод подбежавшему конюху, откинул капюшон на плечи и быстрым шагом направился к лестнице, ведущей на второй этаж. Через пару минут он постучал в двери покоев принца. Услышав приглашение войти, он одернул камзол и вошел внутрь. Принц стоял у окна, нервно постукивая пальцами по стеклу.

– Ну, что скажешь, Ульрих? – спросил он, поворачиваясь к нему всем корпусом.

– Все в порядке, мой господин! – слуга достал из походной сумки три небольшие бутылочки из темного толстого стекла и аккуратно поставил их на стол. – Черная бутыль содержит яд. Синяя – противоядие. Желтая – замедлитель. Две капли из черной бутыли на бокал вина – и через десять минут жертва почувствует головокружение и рези в животе. Если не употреблять противоядия или замедлителя, то через шесть часов человек умрет в ужасных мучениях. Пять капель противоядия – и он через сутки будет совершенно здоров. Две капли замедлителя в сутки – он будет жить, но яд останется в крови. Секрета противоядия и замедлителя не знает никто. Все это, впрочем, описано на листочке бумаги, приклеенном на каждом флаконе. Алхимик, изготовивший все это, как вы и приказали, – мертв. Ульрих поклонился и вопросительно посмотрел на принца.

Принц довольно улыбнулся, вытащил кошелек, отсчитал двадцать золотых монет и протянул их Ульриху. Тот с поклоном взял деньги и спросил:

– Я могу идти, господин?

– Да, конечно же, и большое тебе спасибо.

Ульрих повернулся к двери, опустил золото в карман и сделал первый шаг. В этот момент принц подошел к нему сзади, приобнял его за плечи и, шепнув на ухо: «Первый принцип монарха – никогда не доверять никому!» – одним движением вскрыл ему горло. Кровь из перерезанных артерий фонтаном брызнула вверх, забрызгав лицо и руки принца, но тот и не подумал уворачиваться, а просто отпустил бьющееся в судорогах тело на пол, слизнул капельку крови со своей губы, наступил правой ногой на тело и прошептал:

– Одна из первых ступенек к трону. Интересно, много их будет на моем пути? А, кстати, кровь действительно сладкая! И мне это нравится!

Он сложил флаконы в дорожную сумку, стоящую в углу, заглянул в зеркало, улыбнулся своему окровавленному лицу, вышел в коридор и позвал слугу:

– Приготовь мне ванну, потом сбегай к барону Морзу и передай ему, что я готов к поездке. И не забудь прибрать падаль в моей комнате. Кстати, чуть не забыл – в ванную принеси бутылочку вина и фруктов. Впрочем, пусть вино и фрукты принесет какая-нибудь смазливая служаночка. И поторопись!

Глава 3

Оливия

Утро выдалось туманным… Озеро, подернутое легкой дымкой, казалось куском брошенного в траву стекла, но, несмотря на полное отсутствие ветра, мне почему-то совершенно не хотелось лезть ни в какую воду. То ли потому, что легкий морозец, подернувший изморозью траву, уже успел пощипать мои щеки, то ли потому, что ныло растянутое вчера сухожилие. Я шмыгнула носом,

скорчила жалобную мину, зябко повела плечами и с надеждой посмотрела на отца. Однако надеждам на то, что купания удастся избежать, сбыться было не суждено. Как, впрочем, и обычно: за всю мою недолгую жизнь папа жалел меня раза четыре или пять. По очень большим праздникам. Например, когда я потерялась в лесу в семилетнем возрасте, неделю питалась какими-то корешками и ягодами, умудрилась попасть в болото и чуть не утонуть, потом выбралась к дому и, увидев знакомую крышу, рухнула с небольшого обрыва в кусты дикой ежевики. Измазанная, расцарапанная до крови, с огромными синяками и ввалившимися от голода щеками я ворвалась во двор замка, буквально стоящего «на ушах», на руках плачущего от радости камердинера Джерома прокатилась до кабинета отца и впервые увидела на его вечно невозмутимом лице радость. Потом он отнес меня в постель, предварительно отпарив и отмыв дочиста, втер в мои болячки какую-то жутко пахнущую целебную мазь и вздохнул. Заснула я, обняв его большую шершавую ладонь, покрытую огромными, загрубевшими от рукояти меча мозолями, уверенная в том, что больше никогда-никогда не убегу от него. Благими намерениями, как известно, вымощена дорога в ад – не прошло и месяца, как я снова оправдала свою кличку Сорвиголова: я влезла на конюшне на самого высокого жеребца, которого звали Уголек, хлестнула его прутом, вынеслась во двор и, само собой, слетела с него, как сосулька с крыши. Слава Создателю, что воткнулась я в Толстушку Нэнси, нашу кухарку, сбив ее с ног, но ничего себе не сломала и даже толком не испугалась, однако жалости со стороны отца в тот раз мне добиться не удалось…

– Не спи, замерзнешь! А ну-ка, марш в воду, Оливия! – Легкий подзатыльник ускорил мой полет, и я нырнула с причала в темные и мрачные воды озера, еле успев набрать побольше воздуха. Вода оказалась не такой холодной, как я ожидала, и я поплыла к камышам на дальнем конце залива, пытаясь не замерзнуть. Постепенно мое тело разогрелось, кровь быстрее заструилась по жилам, и мое настроение вместе с восходящим за Столовой горой солнышком медленно, но уверенно поползло вверх. К камышам я подплывала, весьма довольная собою и окружающим меня миром, поэтому свернула в сторону и поплыла к скалам, которые вдавались в озеро метров на двадцать, нависая над ним подобно трамплину. Я взобралась на свой любимый выступ метрах в шести над водой, встала на его край, потянулась и ласточкой прыгнула в темное зеркало воды под ногами. Попытка достать дна как обычно, успехом не увенчалась. Выскочив из воды и переведя дух, я было снова полезла вверх, как до меня донесся топот копыт по тропе, ведущей к этому заливу. Я прислушалась, пытаясь понять, кто бы это мог быть, но прежде, чем я успела придумать хоть что-то, на песчаную отмель вынесся конюх Барри на своей

буланой кобылке, ведя в поводу моего Уголька. Кстати, Уголек был сыном того злого обидчика, который запулил меня в кухарку, и с ним мы ладили просто прекрасно. Однако я задумалась: что-то я не могла себе представить ни одной причины, которая могла, хотя бы в теории, прервать мой утренний заплыв и последующую пробежку. Видимо, что-то серьезное, что требует моего присутствия. Что ж, понеслись! – я взлетела в седло, потрепала жеребца за ушами и сорвала его в галоп. Ошеломленный Барри не успел сказать и одного слова, как я скрылась за деревьями.

Во дворе замка меня встретил старый Джером и, с поклоном подав мне мое платье, оставленное на причале, сообщил, что отец ждет меня у себя в кабинете. Наскоро переодевшись в сухое, я пробежала по коридору, чуть не сбив с ног какого-то незнакомого юношу в порядком запыленной и потрепанной одежде. На бегу извинившись, я постучала в двери кабинета и, не дожидаясь ответа, заглянула внутрь. Отец стоял у окна, задумчиво уставившись в никуда, и теребил свиток с королевской печатью. Почувствовав, что он не в духе, я чинно уселась в кресло напротив его стола, а не на пол, как обычно. Он еле слышно вздохнул, грустно посмотрел на меня, потом налил себе в бокал вина и залпом осушил кубок. Мне вдруг стало не по себе. Я поежилась от внезапного озноба и молча уставилась на него. Папа сел на стол, отбросил письмо в сторону, повернулся ко мне и грустно прошептал:

– Вот и все… Час настал… Прости меня, Господи! – Его голос явно дрожал, и почему-то мне вдруг захотелось заплакать. Отец расстегнул ворот камзола, как будто тот мешал ему дышать, потом налил себе еще вина и начал:

– Шестнадцать лет тому назад я был капитаном гвардии Его Величества. Двадцать два года службы, восемь из которых – в гвардии во дворце, не принесли мне особого богатства или славы. Однако, как оказалось, я заблуждался относительно того, как ко мне относился государь. Однажды, заступив на очередное дежурство, расставив гвардейцев по постам, я решил пройтись по коридорам, смежным с покоями короля. Проходя мимо одного из зеркал, я заметил, что оно немного сдвинуто. Я было приготовился крикнуть ближайшего бойца, как вдруг зеркало сдвинулось в сторону, и король жестом приказал мне молчать. Повинуясь ему, я через эту потайную дверь вошел в его покои. На огромной кровати под балдахином лежала королева. Рядом с ней – ребенок. Девочка. Ты. Тебе тогда было месяцев пять. Королева была бледна. В ее глазах стояли слезы, но она крепилась изо всех сил. Государь попросил меня воспитать тебя достойной королевского рода, вручил мне документы на право

владения этим замком, расписки на сумму, которая просто до сих пор не укладывается у меня в голове, вручил несколько запечатанных писем, поцеловал тебя и приказал сейчас же уезжать. Рядом с кроватью стоял потрепанный саквояж. Все необходимое для дороги, кроме кормилицы, которую я нашел в одной из деревень по пути сюда, было внутри. Я поклонился и, прикрыв тебя полой плаща, вышел тем же путем. Все подробности и причины содержатся вот в этом письме. Прочтешь его потом.

Сегодня прибыл гонец от твоего отца. Интересы государства требуют твоего присутствия в столице. Завтра утром мы отбываем. А сегодня вечером будет прощальный ужин, на котором я бы хотел видеть тебя веселой и счастливой. Пусть все запомнят тебя такой, ладно? – его голос прервался, он нервно сглотнул, отпил из кубка, потом добавил: – Я хочу тебе сказать еще одно. Мне тебя будет не хватать. Я люблю тебя, как родную дочь, и мне не хочется отпускать тебя. Но, увы, у меня нет выбора. Я чувствую себя опустошенным. Прости меня, доченька, если сможешь!

По моему лицу потекли слезы. Я вскочила с кресла, бросилась к нему, обняла его за плечи, уткнулась носом ему в грудь и разрыдалась:

– Не отдавай меня никуда, папочка, я не хочу быть принцессой, я не поеду! Мне никто, кроме тебя, не нужен! Скажи им, что я твоя дочь!

Никогда не думала, что умею плакать, тем более – навзрыд. А причитать я, видимо, научилась на лету. Отец ласкал мою спину своей огромной, как лопата, ладонью и прятал свое лицо в моих волосах. Впрочем, насладиться горем мне не удалось – в дверь кабинета постучали. Отец, вздохнув, поправил камзол, взъерошил мои космы, грустно улыбнулся и вышел в коридор.

Я заглянула в зеркало и ужаснулась своему виду: заревана, растрепана – ну просто крестьяночка какая-то… Не достойно дочери графа Норенго, ой, вернее, принцессе, выглядеть такой дурехой… Что ж, придется привыкать к своему новому статусу. Эта мысль, вместо того чтобы подбодрить, вызвала очередные слезы. Я подоткнула юбку, вылезла в окно, пробралась по карнизу до окна в оружейный зал, забралась туда, закрыла двери изнутри, разделась, подошла к мешку с песком для отработки ударов и взорвалась. Я вымещала на нем свою злость, боль, ненависть неизвестно к кому, плакала, молчала, снова плакала и била, била, била. Четырехпалый Дин был бы мною доволен: часа через три, когда я угомонилась, разбив себе в кровь костяшки пальцев, локти, голени, из мешка

струйками сыпался песок, а мое тело отказывалось мне повиноваться…

…Прощание вышло грустным – несмотря на ранний час, все жители замка стояли у ворот. Женщины утирали слезы, всхлипывали, махали платками. Мужчины, хмурясь, молча смотрели нам вслед. Ребятишки взобрались на стены и махали руками, как ветряные мельницы, – в общем, я чувствовала себя как на похоронах. Причем на собственных. И лишь гордость не позволяла мне снова зареветь. Я привстала на стременах, помахала рукой всем, кто меня провожал, потом развернула Уголька и медленно выехала из ворот. Моя маленькая свита двинулась следом. Отец на своем Листике пристроился рядом, и я почувствовала себя чуть лучше.

Кроме папы, как я продолжала его называть про себя, с нами ехало четыре воина из замковой стражи – огромные, кряжистые мужики в кольчугах и шлемах, вооруженные до зубов и готовые ради своего господина на все. Прошедшие не одну войну, они не были молоды, но я бы не советовала юным, полным сил и здоровья юношам скрещивать свое оружие с ними: опыта и хладнокровия в них хватило бы на небольшой отряд наемников. Впрочем, для меня лично наука одного из них – воина по прозвищу Четырехпалый – не прошла даром: с каждым из них по отдельности я бы сразиться рискнула. А вот вместе – увольте. Поэтому я расслабилась, перестала оглядываться по сторонам и повернулась к отцу. Неторопливо беседуя о всякой ерунде, мы с ним всячески избегали смотреть друг другу в глаза и не затрагивали единственную интересующую нас тему – вопрос о моем будущем…

А через час с небольшим слитный шелест мечей, вылетающих из ножен, заставил меня рефлекторно пригнуться и дернуться к ножнам за своим мечом… Однако тревога оказалась ложной – из-за дерева, к которому рванулся Ди, выскочил с поднятыми вверх руками, в одной из которых был зажат букет моей любимой сирени, Эдвин. Вечный мой противник во всех наших детских баталиях, соперник в оружейном зале, язва и задира, с которым я не задумываясь бросалась в драку, стоял на дороге с букетом цветов и плакал. Отец пришпорил коня, проехал мимо, за ним проскакали Ди и его друзья, а я сидела на коне, как полная дура, и тупо смотрела на него, не в силах что-нибудь сказать. Эдвин протянул мне букет, вытер лицо рукавом, потом взял мою руку, приложил ее к своей щеке и замер. Я растерянно оглянулась вокруг, потом сняла с шеи цепочку с изумрудом, которую мне подарил на десятилетие папа, повесила ему на шею, потом, склонившись к нему, неумело чмокнула его в щеку и пришпорила коня.

– Я буду тебя ждать! – прошептал Эдвин, сжал в кулаке цепочку и, понурив голову, побрел по направлению к замку. Я смотрела ему вслед, пока Уголек не свернул за поворот и деревья не скрыли юношу от меня.

…Папа не давал передышки ни нам, ни лошадям, и благодаря этому к вечеру мы въехали в Резор, маленький городок, стоящий на дороге, проложенной еще при короле Орше лет двести назад через все королевство Эррион – от границы с Эламом через столицу и до королевства Дореда. Дорога была практически прямой, постоялые дворы располагались через каждые двадцать миль, и путешествие по ней было вполне комфортным. При желании, обладая достаточной суммой денег, можно было использовать конные подставы, и тогда путь от границы до столицы занимал дней пять. Королевские курьеры добирались еще быстрее. Мы же особенно не торопились, кроме того, поворот к нашему замку лежал почти на полпути к границе, поэтому папа надеялся добраться до столицы дней за четыре-пять…

Постоялый двор оказался небольшим трехэтажным строением, почти весь первый этаж которого занимала таверна. Подбежавший конюх принял поводья наших лошадей, Ди с товарищами закинули за плечи весь наш багаж, состоящий из трех переметных сум, и вся наша компания ввалилась внутрь. Гомон, чад, разнообразные ароматы с кухни, копоть от горящих факелов и т. д. создавали весьма причудливую атмосферу вседозволенности и беспечности. Пока мы с папой оглядывались в поисках свободного места, Ди отловил хозяина, пара монет перешла к нему, и минуты через две мы с комфортом расселись за огромным дубовым столом недалеко от камина, в котором на вертеле аппетитно потрескивал поросенок. Двое забулдыг, прежде располагавшихся за нашим столом, после пары слов, произнесенных Эри на ушко одному из них, почему-то заторопились по домам. Впрочем, я не осталась на них в обиде, потому что близость ужина напрочь отбила у меня все мысли о гуманизме к ближнему своему.

Поросенок тоже, как оказалось, жарился именно для нас, поэтому через пару минут он оказался у нас на столе, а его косточки захрустели на наших зубах. Служки метали на стол все, что было на кухне, хозяин носился от стойки к нам и обратно, а я, постепенно насыщаясь, начала с интересом посматривать по сторонам. Меня можно было понять – за все свои шестнадцать лет я только второй раз путешествовала по стране, а первое путешествие, как ни странно,

почему-то не отложилось в моей памяти. Так что приходилось наверстывать упущенное.

За столом напротив размещалась довольно колоритная компания из шести рослых молодых мужчин, судя по скупым и точным движениям, профессиональных воинов, и пожилого, но подтянутого вельможи с неожиданно цепким и острым взглядом. Сквозь гомон таверны я не могла разобрать ничего из их разговора, но, судя по реакции воинов на его слова, дворянин состоял в довольно высоком звании, но при этом пользовался любовью или, по крайней мере, большим уважением. Заметив мой заинтересованный взгляд, один из воинов его свиты взглядом показал дворянину на меня. Тот повернулся ко мне, оглядел с ног до головы и неожиданно подмигнул. Я улыбнулась в ответ. Он склонил голову в воображаемом поклоне, приподнял за меня бокал, пригубил и продолжил свою беседу. Я опять стала озираться по сторонам. В дальнем от меня углу зала компания порядком подвыпивших мужиков метала ножи в импровизированную мишень, сопровождая каждый бросок азартными криками и комментариями. Небольшие кучки монет на их столе то и дело меняли хозяев. Я заинтересованно всмотрелась в игру и решила, что при таком уровне меткости, который демонстрировали участники, я бы заработала себе на неплохой ужин. Впрочем, мой желудок был уже переполнен и начал постепенно «давить на глаза», как обычно говорил Альфред. Остальные люди в зале не привлекли моего особого внимания, разговор папы с Ди и его людьми мне был не особенно интересен, и я вдруг решила попытать счастья в метании ножей. Отец, услышав просьбу, пожал плечами, насыпал мне в ладонь несколько монеток разного достоинства и кивнул Эри. Тот молча расчистил мне дорогу в угол, сгреб по пути два табурета и, демонстративно пропустив меня вперед, обратился к рыжему здоровяку, стоящему с ножом в руке на линии броска:

– Вы позволите моему младшему братишке сыграть с вами? – прорычал Эри. (Стараясь не привлекать особого внимания в пути, папа попросил меня одеться в дорогу по-мужски, и, учитывая мою нелюбовь ко всякого рода платьям, я с удовольствием согласилась.) Игроки, порядком разгоряченные выпивкой, обернулись к нам. Внушительная фигура старшего «братишки» была прекрасным аргументом, поэтому особых возражений не последовало. Увидев, что деньги у меня есть, они даже заулыбались, видимо, заранее подсчитывая свои будущие барыши. И первое время я их старалась не особенно разочаровывать: я то проигрывала, то выигрывала понемногу, раззадоривая участников. Часа через полтора на столе перед мишенью осталось лишь две горки монет – моя и покрытого рыжим волосом детины, отзывающегося на прозвище Рваное Ухо. Большая часть находящихся в зале людей тоже

переместилась поближе, и ставки на победу одного из нас росли просто катастрофически. Ориентируясь на крайне серьезное лицо «братишки» Эри, я приумножала его и мой капитал, иногда все-таки промахиваясь, чтобы не отбить у Рваного Уха желания играть. Вельможа из-за соседнего с нашим стола тоже заинтересованно наблюдал за состязанием и, как мне показалось, даже поставил на меня какую-то сумму. Порядком повеселившись, я наконец-то согласилась с предложением Рыжего рискнуть всеми деньгами сразу. В зале стало тихо. Служка, уронивший на пол кружку, схлопотал чувствительный подзатыльник от забравшегося на табурет, чтобы видеть лучше, хозяина. Рыжий долго готовился, потом, вздохнув, метнул свой нож. Бросок получился что надо, нож воткнулся почти в самый центр доски для разделки мяса, расчерченной на манер мишени для стрельбы из лука. Он гордо вскинул руки в жесте победителя, потом с ухмылкой повернулся ко мне и картинно показал мне на линию броска. Действительно, за все время соревнования я ни разу не попала точно в центр мишени – не было необходимости. Алкоголь в крови и так мешал моим противникам достаточно сильно. Так что, на его взгляд, шансов у меня не было. «Тем хуже для тебя», – подумала я и всадила нож в самый центр. Рев обиженного противника сотряс всю таверну:

– Не может быть! Я хочу отыграться! Верни мои деньги! – казалось, что стропила не выдержат его воплей. Я сгребла со стола солидную кучу монет, потом подозвала трактирщика, кинула ему несколько серебряных монет и попросила:

– Вина для всех!

Выкрики любителей дармовщины заглушили рев Уха. Я с Эри, довольная, как не знаю кто, почти вприпрыжку понеслась к отцу. Вельможа привстал из-за стола, поднял бокал за меня и улыбнулся. Я улыбнулась ему в ответ и плюхнулась на лавку поближе к папиному плечу. Его рука опустилась мне на плечо, и я растаяла окончательно. Минут через пять мы разошлись по комнатам, и заснула я в прекрасном настроении.

На следующее утро, позавтракав как следует, мы продолжили путь. Я резвилась, как жеребенок, радуясь хорошей погоде, и старалась не думать о будущем. Огромные ели, вплотную подступающие к дороге, пропускали не так много солнечного света, но тем интереснее мне было подставлять под редкие лучики свои ладони и представлять, как они наполняются светом до краев. Папа грустно улыбался каким-то своим мыслям и периодически трепал мою

шевелюру. Эри и Ди метали друг другу нож, выхватывая его из воздуха то правой, то левой рукой. Аркетт ехал впереди, внимательно оглядываясь вокруг, Берс замыкал отряд метрах в двадцати сзади. Ближе к полудню, почувствовав голод, папа кивнул Ди, чтобы он искал место для привала. Четырехпалый, пришпорив коня, унесся вперед. Вдруг Аркетт приподнял руку вверх и, остановив коня, прислушался. Из-за пригорка, на который взбиралась дорога впереди, явственно доносились звуки битвы. Из-за ствола огромной сосны метрах в двухстах впереди показалась рука Ди. Повинуясь его жестам, мы спешились, завели коней в глубь леса, потом папа, Аркетт и Берс неслышно растворились среди деревьев. Все мои попытки пуститься следом наталкивались на сопротивление Эри, который был непреклонен. Я присела на поваленный ствол, проверила оружие, потом опять с мольбой посмотрела на Эри. Суровый воин нервно сжимал и разжимал кулаки, прислушиваясь к звукам, доносящимся до нас. Бездействие раздражало его не меньше, чем меня. Вдруг едва заметный шорох сзади заставил меня рефлекторно упасть назад в траву и перекатиться в сторону. И вовремя – боевой метательный нож просвистел прямо над тем местом, где должна была быть моя шея, и со звоном воткнулся в дерево, уйдя в ствол почти по самую рукоять. Я метнулась к дереву, из-за которого вылетел нож, на ходу выхватив свой меч из ножен. Сзади зазвенела сталь – Эри вступил в схватку. Не особенно беспокоясь о нем, я с разбегу кувыркнулась вперед и на выкате из кувырка нанесла удар на уровне колен воину, прятавшемуся за сосной. Такой атаки он явно не ожидал. Над моей головой свистнула сталь, но мой меч сделал свое дело: лишенный обеих ног, нападающий вдруг издал истошный вопль и, пытаясь сжать руками свои обрубки, повалился вперед. Отскочив в сторону, как учил Четырехпалый, я, как оказалось, увернулась от двух арбалетных болтов, воткнувшихся в дерево над моей первой жертвой. До арбалетчиков было рукой подать, поэтому я со всех ног бросилась к ним, стараясь успеть до того, как они достанут свои мечи. Левой рукой я метнула один из своих ножей в того, кто показался мне более опасным, и не промахнулась: схватившись за рукоять моего ножа, торчащую из его глазницы, он кулем повалился навзничь. Второй, ошарашенно уставившись на товарища, запутался в перевязи, и мой меч не встретил никакого сопротивления на пути к его шее. «Три-ноль в мою пользу», – подумала я и оглянулась. Увиденное вокруг, увы, не радовало: за деревьями мелькало десятка два воинов в тех же масках, что и у нападавших на меня. Вокруг Эри все теснее сжималось кольцо мечников, и, несмотря на не маленькую кучу трупов перед ним, шансов у нас было мало. Выдернув свой нож из глазницы все еще вздрагивающего воина, я было помчалась на помощь Эри, как он крикнул мне: «Беги, я справлюсь!» – и метнул нож в сторону Уголька. Перерубленная уздечка и мой призывный свист сделали свое дело: через несколько мгновений я сидела в седле. Пара бандитов,

бросившихся было ко мне, отправились к праотцам: одного зарубила я, второму копытом перебил ключицу вставший на дыбы жеребец, и я только облегчила его страдания. Однако вертеться на месте было опасно, число нападавших все увеличивалось. Тогда я решилась: метнув по очереди все пять оставшихся у меня ножей, я с гиканьем понеслась на противников Эри. Срубив голову еще одному, я крикнула: «Прыгай!» – и развернула коня. Разрубив от плеча до паха одного из растерявшихся бойцов, Эри взвился на круп. Уворачиваясь от ветвей, так и норовящих хлестнуть по лицу, мы понеслись в глубь леса, моля Бога, чтобы сзади ни у кого не оказалось заряженного арбалета. Минут через пять дикой скачки я сбавила скорость и оглянулась: трое преследователей на наших конях неслись вдогонку. Позволив преследователям приблизиться на дистанцию броска, Эри метнул два своих клинка и спрыгнул на землю. Однако третий воин особого энтузиазма не проявил, а просто развернул коня и ускакал. Я перевела дух, подъехала к Эри и спешилась. Воин был плох. Даже очень. Кровь сочилась отовсюду. Иссеченная кольчуга держалась на его плечах на честном слове, но залитый своей и чужой кровью с ног до головы боец стоял прямо, слегка опираясь на меч. Свистом подозвав своего коня, он достал из переметной сумы два свитка, протянул их мне и приказал:

– Езжай одна. Тебя ждет твой отец. Здесь письмо королю от твоего отчима и охранная грамота для тебя. Покажешь ее любому офицеру гвардии в столице, и тебя проведут к королю. Я уже отвоевался. С такими ранами долго не живут… Я выполнил свой долг перед тобой, «братишка», но мне еще надо найти моего господина.

– Я с тобой! Я тебе помогу! Ты не бойся за меня – мне тоже надо к папе! Ну дай хоть раны перевяжу… пожалуйста! – сквозь подступающие слезы умоляла я.

– Нет! И не проси! Да, ты сражалась, как настоящий воин, я бы доверил тебе свою спину, ты даже спасла мне жизнь, но твой долг – добраться до короля. Прости… – Он подозвал коня Берса, протянул его повод мне, потом сорвал с пояса кошель с деньгами, достал из своей переметной сумы десяток метательных ножей, разделил их пополам, потом обнял меня за плечи, тяжело взобрался на коня и ускакал.

У меня опустились руки. Всхлипывая, я рассовала клинки по ножнам, пересыпала деньги в свой кошелек, спрятала письма за пазуху, влезла в седло и зарыдала. Уголек послушно двинулся вперед, грустно покосившись на меня одним глазом.

К вечеру я снова выбралась на дорогу. На каждом шагу мне мерещились лица в масках, шорохи листвы заставляли нервно хвататься за оружие, но дорога будто вымерла, и за полночь я без приключений добралась до очередного городка. На постоялом дворе я кое-как привела в порядок одежду, смыла с себя кровь, расседлала коней и, оплатив ночлег, завалилась спать. Как ни странно, утром я проснулась отдохнувшая, и только лишь царапины на руках да мокрая от слез подушка напоминали мне о вчерашней беде. Позавтракав без всякого удовольствия, я снова взобралась в седло и продолжила путь. Часа через два я увидела отряд всадников со штандартом короля, скачущий навстречу мне. Я от радости аж подпрыгнула в седле и помчалась навстречу.

Командир отряда, услышав о вчерашнем происшествии, переменился в лице, прошептал: «Посольство Дореда!» – и, не дослушав меня до конца, поднял коня в галоп, словно забыв про то, что я вообще существую. Отряд понесся следом. Понурив голову, я упрямо закусила губу и пришпорила Уголька. «Я ненавижу слово «долг», – подумала я в первый раз…

Глава 4

Эрик

Как я и планировал, вечером следующего дня я вошел в двери постоялого двора на окраине Сиэля. Голод и утомление давали о себе знать, поэтому я решил, что не мешает отдохнуть и поесть не на каком-нибудь сеновале, а в человеческих условиях, благо денег, благодаря отцу и Углу, должно было хватить как минимум на месяц…

В дверях корчмы «Седьмая миля», на удивление аккуратного двухэтажного здания на окраине столицы, я чуть не столкнулся с юношей лет пятнадцати, стройным и хорошо одетым. Пропустив его вперед, я сразу направился к стойке, у которой толпилось человек восемь посетителей, пьющих вино и переговаривающихся между собой. Хозяин заведения восседал на огромном табурете, видимо, специально изготовленном для того, чтобы выдерживать чудовищный вес этого человека. Он внимательно смотрел в зал, командовал прислугой, периодически раздавая затрещины особо нерадивым.

– Комнату на ночь! – попросил я одновременно с тем пареньком, с которым я столкнулся в дверях.

Толстяк, даже не посмотрев на нас, сообщил:

– Есть одна, двадцать медных монет, и разберитесь между собой сами. Я жду.

Я посмотрел на мальчишку. Он – на меня. Изможденное лицо, затертые следы крови на рукавах, усталость во взгляде – и мне почему-то расхотелось с ним «разбираться». Я устало кивнул ему на хозяина, а сам поплелся прочь, решив поискать счастья где-нибудь еще… Он внимательно посмотрел на меня, потом благодарно кивнул и повернулся к стойке. В это время в зал ввалились четверо рослых мужчин в одинаковых черных плащах, и один из них еще с порога рявкнул:

– Хозяин! Комнату моему господину и еще одну нам! Платим золотом!

Толстяк, подобострастно кланяясь, выбежал из-за стойки, протянул ключи и неожиданно дрожащим голосом произнес:

– Всегда к вашим услугам, милостивые господа! Позвольте мне вас проводить! Комната всего одна, но, я надеюсь, пока вы будете ужинать, я освобожу для вас еще!

Воин в черном небрежно кивнул, не глядя бросил толстяку золотой и потопал вверх по лестнице.

Мой недавний соперник угрюмо смотрел на четверку воинов, и мне показалось, что в его глазах появились слезы.

Я подошел к нему, хлопнул его по плечу и представился:

– Меня зовут Эрик. А тебя?

– Винни. Они заняли комнату, которую он обещал нам. Я уже объехал несколько постоялых дворов – свободных мест нет. Что делать – не знаю…

– Прежде всего давай поедим, если ты не против, а потом можем переночевать в конюшне на сеновале. И черт с ней, с этой комнатой!

Винни пожал плечами, и через несколько минут мы с удовольствием набросились на жареную курицу и помидоры, которые нам приволок расторопный служка. Ни он, ни я не были расположены разговаривать, поэтому, набив желудок и расплатившись, мы молча вышли из зала и, заплатив какому-то слуге за ночлег на сеновале, полезли по приставной лестнице наверх.

Разбудил меня какой-то шум. Я свесился с края сеновала и присмотрелся. Пара вчерашних знакомых с интересом рассматривали высокого, холеного, черного как смоль жеребца без единого светлого пятнышка на всем корпусе. Один из них подозвал к себе конюха, скоблящего чьего-то коня в соседнем стойле, и спросил, кто приехал на таком прекрасном коне. Конюх показал пальцем вверх, и я удивленно уставился на своего соседа. Тот спал, разбросав руки в стороны, накрытый плащом с головой. Увидев, что воин направился к лестнице, я толкнул Винни в бок. Тот завозился спросонья, потом приподнялся на локте и вопросительно взглянул на меня.

– Там вчерашние воины заинтересовались твоим жеребцом. Один из них лезет сюда. Честно говоря, его лицо особого доверия не внушает.

Винни нахмурился. Он отряхнул солому с одежды, прицепил меч к перевязи и полез к лестнице, чуть не наткнувшись на лицо воина, влезшего на лестницу.

– Это твой конь там внизу? – спросил он.

– Да, мой! – ответил Винни.

– Не маловат ли ты для таких коней? – неприятно ухмыльнулся тот, картинно поигрывая плетью, зажатой в руке. – И сколько он стоит?

– Не маловат. Уголек не продается. Ни за какие деньги. – Винни сел на край перекрытия и повернулся ко мне: – Пойдем позавтракаем, а то я порядком проголодался!

«Черный плащ» рывком повернул его к себе и прошипел:

– Ты знаешь, с кем имеешь дело, малец? Я его покупаю. И тебе лучше назвать цену, пока я не разозлился. А то останешься ни с чем. Ну и перепадет тебе изрядно! – Он захохотал на всю конюшню.

Я спрыгнул вниз, за мной – Винни. Он потрепал коня по холке, повернулся к воинам и усмехнулся:

– Друзей не продаю.

Потом повернулся к выходу и спокойно пошел к трактиру.

«Черный» изменился в лице, потом подскочил к Винни, схватил его за шиворот и прорычал:

– Ты задел мое достоинство! Я еще не закончил! И ты меня выслушаешь! Так вот, этот конь – мой! А ты, пацан, вали-ка куда подальше! – Он размахнулся, чтобы дать парню подзатыльник, и вдруг замер, вытаращив глаза. Я рассмеялся, увидев, как эта громадина встает на цыпочки, пытаясь оказаться хоть чуть подальше от лезвия, уткнувшегося ему в пах. Рванувшийся было на выручку своему другу второй воин уткнулся горлом в мой нож и замер. Винни выхватил у своей жертвы из ножен кинжал, перерезал ремень на брюках, отчего они сползли вниз, придав воину весьма комичный вид, потом разоружил его и, поигрывая лезвием в опасной близости от его гениталий, спросил:

– Так что ты говорил о своем достоинстве? Что я его задел? Да, действительно, задел. Но что-то оно мне кажется каким-то незначительным, можно даже сказать, не внушающим должного уважения. Поэтому, будь добр, сначала задумайся об этом, а уж потом его выпячивай. А то не солидно как-то.

Я заржал. К моему смеху присоединился конюх, и даже второй воин криво ухмыльнулся.

Винни без тени улыбки на лице приказал:

– Раздевайтесь! Оба! А теперь марш в колодец! – и воины, послушно выполняя приказ, выскочили во двор и, прикрывая ладонью порядком замерзшие на утреннем ветру достоинства и матерясь сквозь зубы, попрыгали в воду. Накрыв

колодец здоровенной поилкой для скота, мы, уже совсем не сдерживая смех, оседлали Уголька и рыжего коня, как оказалось, тоже принадлежащего Винни, и выехали со двора, решив позавтракать в более гостеприимном месте…

Глава 5

Ольгерд

Крепость Волчье Логово, в которой мы обосновались еще прошлой весной, за год стала похожа на нормальное жилье: толстые каменные стены, простоявшие без присмотра добрую сотню лет, привели в порядок; комнаты и подвалы перестали пахнуть тленом; детский ор, стоящий над нею с утра и до поздней ночи, не давал усомниться в том, что крепость обитаема. Впрочем, построенная лет двести назад в заброшенной долине крепость стояла настолько далеко от обычных дорог и троп, что вероятность появления около нее чужого стремилась к нулю. Да и удобное ущелье, ведущее к ней от проезжего тракта, охранялось жаждущими деятельности подростками, и поэтому ворота, заботливо смазанные и готовые захлопнуться при первых же признаках опасности, за все это время не захлопнулись ни разу…

Огромный двор претерпел значительные изменения – добрую его половину занимали тренировочные площадки: Мерион и Гарик, убившие не один месяц на возрождение всяких полос препятствий, тренажеров, позиций для стрельбы из лука, метания ножей и тому подобного, выложились на славу. В отличие от Обители Последнего Пути, в Волчьем Логове появились и нововведения – тренажерные залы в крытых помещениях, бани, небольшой бассейн, в который по акведуку подавалась вода из горной речушки, и крытый зал для рукопашного боя. Кроме того, недалеко от крепости, в лесу, стараниями Семы и Вовки Глаза построили совершенно зверскую полосу препятствий, пройти которую, на мой взгляд, было просто невозможно. Даже сами изобретатели, срываясь с провернувшегося под ногами бревна в яму с отвесными стенами, обалдело чесали себе затылки и упрямо лезли наверх, чтобы попытаться пройти этот участок еще раз… И не проходили. В итоге с легкой руки Маши полосу обозвали «Променадом» и посылали на нее тех, кто, по мнению Деда или того, кто проводил тренировку, нуждался в стимуле или наказании…

За последний год в крепости стало многолюднее – с тех пор как Дед прикупил трактир в Аниоре и поселил там Боно, сильно постаревшего после гибели Самира, найденные старым воином перспективные пареньки и старые воины, не вписывающиеся в навязанную Орденом картину мира, стали постепенно разбавлять наш спаянный коллектив…

Дел был невпроворот: мало того что тренировки длились с утра и до позднего вечера, продолжалось строительство, так я и Дед периодически мотались по окрестностям, готовя припасы на зиму, заводя полезные знакомства среди местной аристократии и стараясь держать руку на пульсе местной политической жизни. Ибо несмотря на то, что за два года, прошедших с момента убийства Императора Ордена, его наследники менялись как перчатки, редко высиживая на троне больше месяца, и расширение границ Империи было приостановлено, недооценивать ее силу мы не имели права…

Королевство Нианг, рядом с границей которого мы обосновались, было довольно маленьким, но при этом самодостаточным образованием, способным попортить жизнь и более сильным захватчикам, чем Орден: милитаризованное насквозь местное общество исповедовало культ силы и мужества. Вернее, «женства» – здесь царил матриархат. Наследование шло по материнской линии, силовые структуры состояли только из представительниц слабого пола, и в первые дни знакомства с этим странным государством я чувствовал себя не в своей тарелке: мало того что мужчины здесь не знали, с какой стороны браться за меч, так они и не хотели этого! Накрашенные, томные создания, проводящие время за вышивкой и воспитанием детей, они оставляли в моей душе ощущение чего-то неполноценного, ненастоящего. Зато Беата веселилась, как могла, – как-то раз в мое отсутствие в крепости она даже объявила о переходе на ниангский вид жизни и пыталась переодеть всю нашу молодежь в платьица и кружевные чепчики. Если бы не вмешательство в этот розыгрыш Мериона, половина мужского населения Волчьего Логова сбежала бы обратно в Аниор… Но, получив от Наставника нахлобучку, моя неугомонная сестрица не успокоилась, а продолжила изобретать всякие пакости и каверзы, заставлявшие рыдать всех, кто попадался ей под руку…

Несмотря на обилие тренированных, великолепно сложенных девушек буквально в нескольких десятках миль от нашего поселения, крепость изнывала от нехватки женского пола: по весьма грустной статистике, на семерых взрослых бойцов у нас приходилось всего две женщины – увы, с новичками в Логово приходило крайне мало девушек, и ситуация постепенно ухудшалась.

Единственная неженатая девица – Беата – постоянно отбивалась от атак ухажеров и даже пару раз искала у меня защиты от особо рьяно предлагающих ей руку и сердце воздыхателей…

В итоге проблему с дефицитом женского пола пришлось решать мне – после последнего Прихода Тьмы благодаря острому язычку моей сестры я стал чем-то вроде мессии. За что и приходилось отдуваться…

Посоветовавшись с ребятами, решили начать с проблемы легализации в королевстве Нианг. Мне показалось логичным сразу обосноваться в столице – Лиуроне, – находящейся от нас в сорока с небольшим километрах. Купить небольшое поместье оказалось нетрудно – проблем с деньгами благодаря мешку с алмазами, имеющими на Элионе такую же приблизительно ценность, как и на Земле, мы не испытывали.

…Обменяв два небольших камня на увесистый мешок с золотом, Беата, гордо выпятив и без того немаленькую грудь, выбралась из полумрака подвала ростовщика и в моем сопровождении направилась в сторону облюбованного нами района, расположенного в сотне метров от дворцового сада. Комплекс роскошных построек служил жилищем элите местного дворянства. Я лениво брел следом, чувствуя себя немного не в своей тарелке, – рулить переговорами предстояло моей сестре. Я, безусловно, не сомневался в ее способностях, но чувствовать себя на вторых ролях как-то не привык… Однако долго страдать мне не пришлось – вся беседа с хозяйкой приглянувшегося сестре поместья заняла чуть больше десяти минут. И в результате небольшое здание с комплексом вспомогательных построек досталось нам за умопомрачительную по местным меркам сумму – сорок золотых монет. Для сравнения, на один ниангский золотой в его столице можно было безбедно прожить как минимум год. Ни в чем себе не отказывая. Обалдевшая от выложенной на стол горки полновесных монет герцогиня Чиир согласилась освободить поместье в течение двух дней, что нас вполне устроило…

Тем временем мы, неплохо устроившись в местной гостинице, изучали город и намечали пути дальнейшего врастания в местный бомонд… На мой взгляд, проблем с признанием Хвостика возникнуть было не должно: несмотря на то что она не являлась дворянкой по происхождению, согласно местной табели о рангах, она могла завоевать титул на местном аналоге Олимпийских игр. Проводимый два раза в год турнир выявлял самых сильных воительниц

королевства и тасовал дворянство вокруг трона, согласно их реальным боевым возможностям… На мой взгляд, система ничуть не хуже выборов в Государственную думу на Земле. Беата, загоревшись изложенной ей идеей, вовсю готовилась к боям – посещала местные палестры, брала уроки у лучших учителей-мечников и эпатировала публику… Мною…

…Первое время меня не замечали – у каждой прохожей дворянки в свите было несколько мужчин, но полное отсутствие у меня макияжа, оружие на поясе и советы, которые я осмеливался давать своей госпоже, – это за какую-то неделю стало притчей во языцех. Нас обсуждали везде – от кабачков на окраинах столицы и до будуаров дворца. Мое появление на улице стало вызывать неслабый ажиотаж – на меня показывали пальцем, некоторые девушки старались походя ущипнуть меня за ягодицы, а одна особо уверенная в себе даже предложила Беате серебряную монету за ночь в моем обществе… А получив отказ, онемела – ведь отказал ей я! Что, по их меркам, было неслыханным! В общем, врастали мы в общество энергично и своеобразно…

…Право на участие в турнире Девяти Сердец надо было завоевать в нескольких отборочных поединках. Первые же бои с участием Хвостика продемонстрировали нам состоятельность нашего с ней плана. А вот зрителям – нет: Хвостик, наслушавшись советов неугомонного Глаза, «работала» впритирку, побеждая противниц по очкам, с минимальным преимуществом. Чтобы иметь возможность зарабатывать деньги на ставках. Все мои попытки урезонить разыгравшуюся девушку натыкались на один и тот же аргумент:

– Денег лишних не бывает!

И очередная горсть серебра отправлялась в кошель, и так забитый золотом и алмазами…

В общем, за неполные двадцать дней предварительных боев Хвостик доказала неподкупным судьям, что имеет право выставляться на основной турнир. Как боец с двумя мечами – восемь других сердец должны были выигрываться в других видах боевых искусств, например в стрельбе из лука или кулачном бою. Беата порывалась выступать одновременно в нескольких дисциплинах, но я настоял на том, чтобы она не переигрывала. И она, слегка повыпендривавшись, согласилась…

Глава 6

Дион

…Завтрак подали в малом зале. За столом, кроме короля Диона, его первого советника Рауля и министра торговли Орина, не было никого. Король уже неделю пребывал в плохом настроении: сватовство одного из иерархов Ордена Алого Топора к его дочери пришлось совершенно некстати, и эта непонятная спешка с въездом посольства в страну его здорово тяготила. «Мало того что не успею даже толком познакомиться с дочерью, как она выйдет замуж и уедет в этот проклятый Корф, так и непонятно, откуда у Ордена информация о том, что у меня она вообще есть… – мрачно думал он. – С другой стороны, союз с ними нам не помешает, да и этот самый Эдмон, говорят, умница и красавец. Дай Бог, чтобы Оливия была с ним счастлива и я не чувствовал бы себя обыкновенным предателем». В этот момент камердинер объявил:

– Барон Морз с сыном!

Дион удивленно поднял голову и взглянул на двери. Лакеи распахнули створки, и в зал вошел барон, изрядно постаревший, но не потерявший прежней стати, а за ним шел высокий, выше его на голову, юноша, в котором даже самый предвзятый зритель сразу увидел бы королевскую кровь. Нос с едва заметной горбинкой, широкий волевой подбородок, густые брови, высокий лоб – в общем, вылитый Дион в юности. Рауль и Орин просто окаменели на месте. Дион улыбнулся, вышел из-за стола, обнял барона, хлопнул его по спине и усадил за стол рядом с собой:

– Что привело тебя в столицу так рано, друг мой? Впрочем, дамы и господа… – Король встал, поднял кубок и, гордо расправив плечи, протянул руку к юноше, спокойно стоящему за спиной старого соратника. – Имею честь представить вам моего сына, принца Керрома, по традиции нашего рода воспитанного в отдаленной провинции под крылышком барона Морза! Хочу выпить за здравие обоих и объявить, что завтрак отменяется – мне есть о чем пообщаться с вновь обретенным сыном!

Рауль и Орин подняли свои кубки в приветствии и тоже выпили за здравие принца. Тот смущенно поблагодарил, потом произнес ответный тост.

Повинуясь взгляду Диона, оба советника встали и быстренько откланялись. Дион, дождавшись, когда гости насытятся, встал и предложил перейти в его кабинет. Через несколько минут все трое удобно расселись возле огромного камина, в котором при желании можно было бы зажарить целого быка. Летом его, конечно, не топили, но аккуратная поленница дров и закопченные стены камина придавали кабинету очень уютный вид. А развешанное на стенах оружие, головы убитых на охоте животных и кипы свитков на полках свидетельствовали о том, что хозяин кабинета умеет сочетать работу и развлечения.

Король Дион внимательно рассматривал сидящего перед ним юношу и с каждой минутой находил в нем все больше знакомых черт. Широкие плечи, массивные предплечья, загрубелые ладони, свидетельствующие о привычке к рукояти меча. Сильные длинные ноги, уверенный в себе взгляд, гордая посадка головы. «Надо же, а он совсем взрослый!» – подумал Дион и, налив себе вина, отогнул ворот камзола. Под левой ключицей обнаружилось небольшое родимое пятно в форме кленового листа.

– Узнаешь, сынок? – спросил он. – Я понимаю, что принять и понять меня сразу будет довольно трудно, но в нашем роду уже почти триста лет дети воспитываются в семьях близких друзей. Начало этому обычаю положил король Альфред, родоначальник нашей династии. Он хотел, чтобы все короли на троне Миера с детства росли среди простого народа, знали все его нужды, были добры, справедливы и при этом лишены таких не красящих короля чувств, как гордыня, презрение к простому народу, излишнее честолюбие и т. д. Шестнадцать лет назад я отдал тебя на воспитание барону, моему старому боевому товарищу. Он удалился от соблазнов двора, чтобы воспитать достойного потомка основателя нашего королевства, короля Альфреда. И вот сейчас ты сидишь передо мной, и я будто смотрюсь в зеркало – так ты мне напоминаешь самого себя в юности. Понимаю твое состояние – точно так же тридцать с лишним лет тому назад мой отец рассказывал мне обо всем этом и точно так же, как и ты, я не понимал, как такое может быть. Да, сынок, ты, скорее всего, – будущий король Миера. Тебе, правда, надо еще многому научиться, многое понять и ко многому привыкнуть, но я думаю, что это не так сложно, как может показаться на первый взгляд. И еще: я понимаю, что сразу принять душой то, что барон – всего лишь твой приемный отец, будет трудно, и я не собираюсь замещать его место в твоем сердце. Мне просто хочется постепенно завоевать твою любовь и уважение и найти в твоей душе место и для себя. А теперь, будь добр, налей своим отцам по кубку доброго вина там, на

столе, и давай отметим нашу встречу! – Король протянул принцу свой кубок и повернулся к барону. – А теперь, дружище, расскажи, как тебе жилось все это время?

Принц встал из-за стола, подошел к маленькому столику у окна, на котором стояли кубки с винами, оглянулся на увлеченных беседой приятелей и криво улыбнулся. Потом, разлив по кубкам вино, незаметно провел ладонью над одним из роскошных кубков и, подхватив со столика поднос, тяжело вздохнул. Сделав несколько шагов, взял кубок с подноса и с поклоном протянул королю. Тот встал, приобнял юношу за плечи и, чокнувшись по очереди с ним и бароном, залпом выпил. Принц довольно прищурился, потом спокойно сел в свое кресло и принялся задумчиво потягивать вино, с интересом наблюдая за вновь обретенным отцом. Тот был весел, на его щеках играл румянец, и глаза светились от радости. Он что-то с жаром рассказывал, увлеченно жестикулируя и то и дело хватая барона за рукав, чтобы подчеркнуть тот или иной момент рассказа. Барон поддакивал ему, вставлял односложные реплики и замечания, а в его глазах все больше проявлялся страх.

Рассмеявшись очередной своей шутке, король вдруг замер, схватился за живот и недоуменно посмотрел вокруг. Второй приступ рези оказался сильнее: Дион аж покраснел от напряжения, на его лбу вздулись вены, а пальцы впились в подлокотники кресла. Принц налил вина в пустой кубок, капнул туда из желтого флакона и подошел к королю:

– А теперь, папа, послушай-ка меня. На вот, выпей-ка еще вина и прислушайся повнимательнее к своим ощущениям.

Принц сел в кресло, закинул ногу на ногу и, с нескрываемым презрением глядя на удивленного таким поведением монарха, продолжил:

– Ты думаешь, что, узнав о том, что я – принц, я буду плакать от счастья? Увы, ты не угадал. Я знаю об этом с самого детства. Благодаря твоему «другу», который, к счастью, не разделяет дурацких принципов короля Альфреда. Ну какой нормальный отец выбросит своего сына из дому, а потом, когда тот выживет, будет требовать благодарности? Да никакой! Каждый день своей жизни я просыпался и засыпал, ненавидя тебя. Я хотел пользоваться положенным по званию уважением, жить, как и ты, в роскоши, учиться управлять государством и вообще быть, как и ты, над законом. Ты меня лишил детства, «папа»!

Явная издевка в словах принца резанула слух короля.

– Впрочем, то, как я жил, тебе, наверное, не очень интересно. Что ж, перейду к будущему. Чувствуя себя обиженным и обделенным, я решил получить все сразу. Мне не хочется ждать твоей смерти, чтобы занять трон. Я буду коронован через два дня, и никто не сможет мне в этом помешать. Не волнуйся, все приличия будут соблюдены: ты сам откажешься от трона в мою пользу; кстати, причину можешь придумать сам. А я подарю тебе жизнь!

Дион молчал. Слова сына на миг выбили его из колеи. Но в его глазах медленно разгорался гнев. Он стукнул кулаком по подлокотнику кресла и прогрохотал:

– Не думай, что ты у меня один. И что я позволю какому-то недорослю диктовать свою волю мне, королю Миера! Мне надоел этот спектакль. Убирайтесь вон! Оба! А то я позову стражу!

– К моей искренней радости, поздно! – Принц достал из сумочки на поясе флакон с ядом и показал его королю. – Две капли из этого флакона вызвали те рези в твоем желудке, которые ты почувствовал только что. Потом я дал тебе замедлитель. Ты пока не умрешь. Замедлителя хватит на сутки. Потом он потребуется снова. Иначе недавняя боль покажется тебе цветочками, и в течение шести часов ты отбросишь копыта. Я унаследую трон в любом случае – ты только что признал меня сыном перед своими министрами. Так что ты зависишь от моего отношения к тебе. Не ухудшай его, и будешь жить. Так или иначе, я уже почти добился своего. А остальные твои ублюдки меня не очень беспокоят: я принял меры, чтобы они не долго мешали нам спокойно спать. Ты тут подумай, а мы пока познакомимся с Моей столицей, пообедаем где-нибудь, а вечером мы с бароном надеемся быть приглашенными на большой прием, посвященный моему возвращению. Мы остановимся в таверне «Услада мечника». Там, как говорят, самое лучшее жаркое в Моем городе. Кстати, тебя не удивляет, что я так спокоен? Ведь ты мог бы броситься и зарубить меня на месте. Ну, типа «ни себе ни людям»? Увы, папа, я изучил твой характер. Ты – тугодум. Тебе надо сначала все обмозговать, просчитать все шансы, посоветоваться с друзьями, а уж потом ты хватаешься за меч. Хотя и за меч последние годы ты берешься неохотно: твоя кровь давно остыла! И тебе пора уступить место мне! В сопротивлении нет смысла. Так что имеем честь откланяться. Кстати, не забудь о необходимости приема замедлителя… Твой личный врач, то есть я, прописал его прием на завтрашнее утро!

Оба заговорщика встали, картинно поклонились ошеломленному монарху и вышли из кабинета…

Глава 7

Эрик

Довольные собою, минут через пятнадцать мы ввалились в таверну «Услада мечника», расположенную на перекрестке двух довольно широких улиц, одна из которых вела от ворот города к королевскому дворцу. Видимо, этим объяснялось необычное многолюдье в огромном зале, заставленном столами и столиками. Мы проталкивались между завсегдатаями и пришлым людом, стараясь не задеть кого-нибудь важного, и не сразу нашли свободное место. Узенький край лавки вряд ли был рассчитан на двоих голодных парней, но выбора не было, и я уселся за стол, отвел в сторону колено и хлопнул по нему ладонью, приглашая Винни располагаться и чувствовать себя как дома. Винни удивленно посмотрел на меня, потом чему-то улыбнулся и аккуратно присел на предложенное место. Я помахал прислуге и, удостоверившись, что он заметил мой жест, ткнул товарища локтем:

– Слушай, а задница у тебя совсем не костлявая. Учитывая твою субтильную фигуру, я ожидал худшего. И это меня радует!

Винни вскочил как ошпаренный, покраснел, увидел, что я улыбаюсь, и расхохотался до слез:

– Ты прости меня, пожалуйста, что выросло, то выросло! Но если тебе не хватает костлявости или, скажем, веса, пригласи на свое колено кого-нибудь еще, ну, скажем, вон того мужичка! – он показал пальцем на сидящего неподалеку записного пьяницу, худого настолько, что он напоминал вешалку для того тряпья, что изображало его одежду.

– Или вон того, – палец указал на вошедшего в таверну громилу, чьи плечи не влезали в дверной проем, а пивное брюхо соревновалось в объеме с пузом беременной лошади. Представив себе размеры его задницы, я засомневался в

своих силах, рассмеялся и, хлопнув себя по ноге, отказался:

– Да ты сошел с ума! Он же меня раздавит! Предпочитаю твою, Винни! Я к ней уже почти привык!

Винни еще раз внимательно взглянул мне в глаза, потом махнул рукой и шлепнулся на мою ногу.

Завтрак прошел в сосредоточенном молчании, зато, насытившись, мы обнаружили, что за соседним столом освободилось достаточно места для нас обоих. Перебравшись туда, мы оперлись спинами о стену и с выражением полного умиротворения уставились друг на друга. Я вдруг спросил его:

– Слушай, а как получилось, что ты путешествуешь один? Ведь меня не обманешь – и ты точно из каких-нибудь там графов или баронов! А таким положена свита, охрана или что-то еще? Ты что, сбежал из дома?

Глаза Винни потемнели. Он вздохнул, потом потер лицо руками и глухо произнес:

– На меня, моего отца и наших людей по дороге сюда напали какие-то люди. Так получилось, что с одним из своих охранников я отбился в сторону. Мы положили много противников, Эри был изранен так, что еле стоял на ногах. Он заставил меня продолжать путь одного, а сам уехал искать отца. Больше я ничего не знаю… Только могу надеяться на то, что папа еще жив. Понимаешь, я обещал ему попасть во дворец короля. И вынужден был ехать, вместо того чтобы защищать отца, понимаешь? И вот я тут живу, ем, дышу, как ни в чем не бывало, а как он там – не знаю.

Юноша сжал кулаки, исподлобья посмотрел на меня, потом еще раз вздохнул. Я почесал в затылке, отхлебнул из кружки молока, которое заказал вместо вина, и вдруг ляпнул:

– М-да… Признаться, и у меня тоже проблемы! Три дня назад какие-то уроды из Ордена Алого Топора решили пощекотать себе нервы и погадать у моей знакомой гадалки. Что-то в предсказанном ею им не понравилось, и один из них отрубил ей руку. Короче, я убил пару монахов и какого-то дворянина и теперь изгой. Если меня поймают, я буду четвертован, хотя на мне не больше вины, чем

на тех ублюдках. У меня дома остался отец, несколько друзей, труппа… Да, черт побери, вся моя жизнь в один момент рухнула как карточный домик. И вот теперь я хочу найти себе место в этом мире, только вот не представляю какое… – Я допил молоко, оставшееся в моей кружке, и посмотрел на Винни. Тот грустно похлопал меня по плечу и с сочувствием в голосе сказал:

– Ладно, ну их, эти проблемы. Пробьемся! А знаешь, мне будет жалко с тобой расставаться. Но, увы, я дал слово. И теперь мне надо во дворец…

– А дальше что? – с надеждой в голосе спросил я. – Может, тогда, когда ты выполнишь свое задание, ты вернешься сюда, а? Если честно, то мне так неуютно одному. Я бы с удовольствием поехал с тобой на поиски твоего отца…

Винни горько усмехнулся и задумчиво пожал плечами:

– Что-то я сильно сомневаюсь в том, что я буду сам себе хозяином. Но за предложение – спасибо. Что ж, мне, наверное, пора. Если у тебя есть немного времени, то проводи меня во дворец, ладно? И еще: возьми себе Рыжего! Пусть у тебя останется хоть что-то на память обо мне.

Я молча кивнул, жестом подозвал слугу, расплатился и вышел из-за стола.

Всю дорогу до дворца Винни молчал, о чем-то напряженно думая. И лишь перед самыми воротами, уже спешившись, попросил:

– Подожди меня в «Усладе мечника» пару часов, ладно? А то у меня какое-то нехорошее предчувствие. А может, я просто боюсь? – добавил он, потом поправил свою неизменную шапку, пожал протянутую руку и вошел в ворота. Я проводил его взглядом, посторонился, пропуская выезжавшую из ворот процессию, отъехал в сторону и запрокинул голову, пытаясь получше рассмотреть это чудо архитектуры.

…Стены крепости, во внутреннем дворе которой располагался королевский дворец, производили довольно гнетущее ощущение: черные, закопченные временем каменные блоки без сколько-нибудь заметных стыков между ними возносились на высоту десяти-двенадцати человеческих ростов. Узкие бойницы, нависающая громада надвратной башни, массивные зубцы поверх стены, ничуть не тронутые разрушением, и собранные, внимательные воины повсюду

заставляли чувствовать себя маленьким и бессильным. Впрочем, нападать на замок я не собирался, поэтому, полюбовавшись вдоволь на прогуливающихся по прилегающей площади дам и кавалеров, сопровождаемых охраной или просто спешащих куда-то по своим делам, я развернул коня и медленным шагом поехал обратно в таверну.

Глава 8

Оливия

Простившись с Эриком, я немного расстроилась, что, впрочем, не сильно изменило мое настроение: чувствовать себя хуже дальше было просто некуда, и, пройдя ворота, подошла к первому попавшемуся офицеру. Ладный, довольно симпатичный молодой мужчина на мой вопрос, где я бы мог найти начальника охраны дворца, неожиданно грубо послал меня подальше и посоветовал не отвлекать его от важных дел. Эх, будь здесь папа, я представляю, какое количество важных дел ввалило бы ему его же начальство! Хотя мечты мечтами, а дело делом. Следующий встречный небрежным кивком направил меня в небольшое здание, притулившееся к крепостной стене метрах в пятидесяти от ворот. У дверей двухэтажного домика стоял часовой с алебардой в руке. На мою просьбу проводить меня к командиру он предложил мне подождать немного, так как он занят. Как ни странно, ожидание не затянулось надолго, и уже через полчаса, получив в руки свиток, переданный мне Эри, он унесся во дворец, попросив меня подождать. Я философски прислонилась к стене и принялась озираться вокруг, пытаясь унять внутреннюю дрожь.

Еще минут через двадцать начальник караула вернулся в сопровождении невысокого седого дворянина, который церемонно поклонился, представился первым советником короля, бароном Раулем де Одри, и предложил мне следовать за ним. Уголька со всей моей поклажей почему-то оставили под охраной караульного возле кордегардии. Пройдя по двору до ближайшей двери в главное здание, мы углубились в лабиринт коридоров и лестниц, по которым я без посторонней помощи уже минут через пять не нашла бы дорогу обратно. Барон почти бежал по коридорам, и, чтобы не отстать, мне приходилось периодически переходить на бег, что несколько увеличило мое удивление: по моим представлениям, вельможи такого ранга вообще не должны уметь

передвигаться так быстро! Их удел – плавное и величавое передвижение в пространстве в окружении расфуфыренной свиты…

Вскоре мы остановились у какой-то ничем не примечательной двери. Барон пригласил меня зайти внутрь, а сам остался снаружи. Пожав плечами, я осторожно сделала шаг внутрь. Первое, что бросилось мне в глаза, когда я освоилась с тусклым освещением, было весьма бедное убранство маленькой комнатки, явно не оправдывающей названия места, где король мог встретиться со своей дочерью после многолетней разлуки. Поэтому, увидев перед собою массивную фигуру в небольшой, сдвинутой чуть набок короне, я растерялась. Мой реверанс, при отсутствии платья и так смотревшийся довольно глупо, вышел на редкость коряво. Я покраснела, опустила взгляд и пробормотала:

– Здравствуйте, Ваше Величество!

Король молча подошел ко мне, расстегнул верхние пуговицы на моем камзоле, отогнул воротник вниз, потер пальцем родинку в форме листика под моей левой ключицей, потом вздохнул, обнял меня и наконец прошептал:

– Здравствуй, Оливия! Вот уж не думал, что буду встречать тебя таким вот образом! И такими грустными известиями. – Он взял меня за руку, отвел к дивану, укрытому старым, потертым пледом, посадил меня на него, сел на пол, вытянул ноги и, откинув голову на подлокотник, посмотрел на меня. – Доченька, к моему сожалению, у меня плохие новости… За последний день произошло столько ни в какие рамки не укладывающихся событий, что я просто не могу оставить тебя тут… Я постараюсь рассказать тебе все, что успею, а уж ты попробуй меня понять, ладно? – В его голосе было столько боли, что я просто кивнула, закусила губу и постаралась сдержать навернувшуюся было слезу.

Король, или, как я, наверное, должна была называть его, папа, как-то по-детски взъерошил кулаком свои волосы, потом опять вздохнул и, словно бросаясь в воду с обрыва, произнес:

– Я так рад тебя видеть, девочка моя! Но я вынужден просить тебя бежать. Мой дом сейчас не безопасен для тебя. У меня совсем нет времени все объяснять, но все подробности о том, о чем я не успею тебе рассказать, в этом письме. – Он протянул мне довольно толстый свиток и добавил: – Граф Норенго, твой приемный отец, пропал без вести. На месте засады обнаружено четыре с

лишним десятка трупов. Тела графа среди них нет. Кроме того, пропал посол Ордена, который ехал сватать тебя для сына своего сюзерена. Все посольство в полном составе тоже убито. Кроме них, там нашли четырех воинов в доспехах твоего отчима. Нападавшие не опознаны, и я думаю, что если мы не предоставим убедительных доказательств своей невиновности, может начаться война. Будем надеяться, что графу удалось выбраться живым, хотя не исключен вариант с его пленением. Но будем надеяться на лучшее. Однако в любом случае тебе нельзя возвращаться в его имение: твоей жизни тоже угрожает опасность. Твой старший брат решил узурпировать власть и послал убийц на поиски своего брата-близнеца и тебя. Меня он уже отравил, и я, скорее всего, уступлю ему трон через пару дней. У него наверняка есть сообщники во дворце и среди знати по всей стране. Поэтому я не знаю, куда тебя отправить.

Увидев слезы, выступившие у меня на глазах, он привстал с пола, погладил меня по волосам, поцеловал меня в лоб и прошептал:

– Я так жалею, что не увидел тебя раньше! Но долг перед страной и народом не оставлял мне выбора. И я чувствую себя зверем в цирке, который по знаку дрессировщика послушно прыгает сквозь огненный обруч. И этот прыжок станет для меня последним. Я не боюсь смерти, Оливия, но что будет с тобой без меня? Дни мои сочтены. Нейтрализовать яд в моей крови дворцовые врачи не в состоянии. Я бы мог убить принца, но кто унаследует престол? Увы, некому. Люк, твой второй брат, – калека! Его поломал медведь. Ему не хватит сил обуздать алчущих власти честолюбивых соперников, да и народу не нужен такой король… За ним не пойдут… Ты – женщина. А ввергать страну в пучину междоусобных войн я не могу. Твой брат все рассчитал верно. И я откажусь от трона в его пользу. Хотя знаю, что ничего хорошего стране это не принесет. А что делать?

Король Дион тяжело встал, протянул мне небольшой сверток и добавил:

– Здесь векселя нескольких крупнейших торговых домов Эрриона, Лурда, Империи и королевства Дореда. Денег тебе хватит лет на десять безбедного существования. Кроме того, там мое письмо, подтверждающее то, что ты моя дочь, охранная грамота для тебя и твоих спутников, предписывающая оказывать подателю сего помощь во всех его просьбах. Правда, скоро эта грамота станет не ценнее бумаги, на которой написана, но в провинции, я думаю, она еще какое-то время будет иметь вес.

Он снял с пальца довольно-таки невзрачный перстень и протянул его мне:

– А это твой запас на черный день. Для обывателя это стекло. Но любой приличный ювелир даст тебе за него золота столько, сколько ты весишь. Он бесценен. Береги себя, девочка моя, ладно?

– Да, папа, не бойся за меня! – сквозь подступившие слезы выдавила я и обняла его за шею. – Я справлюсь! У меня есть друзья, вместе мы найдем па… графа, и мы что-нибудь придумаем. А чем помочь тебе? – Я со страхом смотрела в его глаза, пытаясь представить себе, что должен чувствовать человек, знающий, что отравлен.

– Увы, ничем. Беги, не попадайся принцу Керрому и будь счастлива! Дай Создатель, чтобы ты нашла себе настоящих друзей и тебя минула моя горькая чаша.

Он последний раз заглянул в мои глаза, стер слезы с моего лица, обнял, поцеловал в лоб и подтолкнул к двери.

Еле сдерживая рвущийся наружу рев, я как в тумане прошла за своим провожатым весь лабиринт коридоров, потом забралась в седло Уголька, развернула сверток, переложила векселя в дорожную сумку, выехала за ворота крепости и развернула письмо.

…Подробное описание разговора с принцем меня просто взбесило. Злость на братца высушила все мои слезы, а рассказ о том, что я чуть было не была выдана замуж за какого-то там иерарха Ордена Алого Топора, окончательно меня убило. «Неужели мои желания и воля так ничтожны, что мною можно вертеть, как заблагорассудится?» – подумала я и чуть снова не разрыдалась.

«Вот еще если и Эрик меня не дождется, то я просто повешусь», – подумала я и пришпорила коня.

Однако, как оказалось, вешаться было рано: у коновязи «Услады мечника» задумчиво жевал овес Рыжий, а у стены, привалившись к брошенному наземь седлу, лежал Эрик, покусывая травинку, закрыв глаза и подставив лицо лучам полуденного солнца. Услышав перестук копыт, он лениво приоткрыл один глаз, но, увидев меня, одним плавным движением оказался на ногах:

– Ну, что там у тебя? – спросил он и внимательно посмотрел мне в глаза.

– Ничего хорошего. Все еще больше запуталось, – ответила я, опускаясь рядом. – Зато я теперь такая же бездомная, как и ты. Мне некуда идти, меня тоже ищут, чтобы убить, и мне снова не на кого опереться.

В расстроенных чувствах я еле вспомнила, что для него я – парень, и стала внимательно следить за построением фраз:

– Так что, если ты не против, я бы составил тебе компанию. Тем более что делать мне, собственно, нечего!

– Я очень рад… Вернее, я рад тому, что ты со мной, и мне очень жаль, что у тебя проблемы! – поправился Эрик. – Что ж, к этой жизни надо относиться философски, поэтому… как ты относишься к обеду? А то, ожидая тебя, я порядком проголодался.

Утвердительно кивнув, я встала и поплелась следом за ним, захватив с собой свою сумку.

Войдя с солнечной улицы в полумрак таверны, я заметила, что народу поубавилось. Видимо, полуденная жара отбивала аппетит у большинства постояльцев и прохожих. Однако прямо рядом со входом, сдвинув несколько столов, рьяно насыщалось десятка полтора гвардейцев и пара офицеров; рядом со стойкой толпился народ, и еще несколько столов оккупировали любители набить свой желудок вкусной и здоровой пищей. Пока я осматривалась, Эрик уже уселся за свободный стол и что-то объяснял подбежавшему слуге. Я подошла к столу, расстегнула еще одну пуговицу камзола, помахала его воротником, чтобы не так потеть в духоте помещения, села на лавку и вдруг почувствовала взгляд, полный ненависти. Молодой парень, сидевший через стол от меня, уставился на мое родимое пятно, потом вдруг вскочил, выхватил меч и с криком: «Убейте его!» – бросился на меня. Несколько его людей, обедавших за соседними столами, повскакивали с мест и тоже выхватили мечи. Я еще не успела ничего сообразить, как Эрик перевернул стол под ноги нападающим и, столкнув меня с лавки, спас мою жизнь, отбив ладонью брошенный в меня нож. Впрочем, разлеживаться на полу мне было не резон, поэтому я вскочила на ноги и с ходу врубилась мечом в широкую шею одного из мечников. Отскочив от довольно быстрой атаки еще двоих, я метнула нож в воина, целящегося в Эрика

из арбалета. Воин схватился за горло, арбалет выпал из его рук, и болт, тренькнув, вонзился в пол. Эрик в каком то немыслимом прыжке вдруг оказался за моей спиной и начал оттеснять меня к лестнице на второй этаж. Однако в этот момент опешившие гвардейцы вскочили из-за столов, и сквозь звон мечей раздался крик одного из офицеров:

– Именем короля, всем стоять! Вы арестованы! Сложить оружие! – Его гвардейцы слаженно окружили всех нас, стрелки навели арбалеты, а мечники, закрывшись щитами, сделали пару шагов вперед. Один из нападавших на нас не успел остановиться, и два арбалетных болта разом пробили его спину. Он вытаращился на наконечники болтов, торчащие из его груди, и с глухим стоном рухнул лицом вниз.

– Офицер, отведите своих людей! – рявкнул вдруг прежде не замеченный мной спутник парня, первым бросившегося на меня. Я – барон Морз, и мои люди действуют от имени короля! – Он достал кошелек и бросил его командиру гвардейцев. – Спасибо за службу, капитан! Но этих преступников мы возьмем сами. А вы пока выпейте за мое здоровье. Он поднял со стола кубок и, спокойно отхлебнув из него, продолжил: – Эти люди обвиняются в государственной измене и убийстве посла Ордена Алого Топора, поэтому попрошу мне не мешать!

Капитан гвардейцев неуверенно посмотрел на второго офицера, поднял было руку, как меня вдруг прорвало:

– Капитан! Подойдите к моему столу, возьмите из сумки у стены грамоту, запечатанную королевской печатью, и прочтите ее. – Мой голос дрожал от гнева, и капитан, растерянно оглянувшись на своих людей, быстрым шагом подошел к нашим вещам, покопался в них, достал свиток и, показав его мне, спросил:

– Этот?

Я утвердительно кивнула. Он сломал печать, пробежал текст глазами, потом внимательно перечитал еще раз, всмотрелся в печать и подпись короля и повернулся ко мне:

– Я и мои люди в вашем распоряжении! – потом повернулся к барону и повелительно приказал: – Сдать оружие!

Барон, кипя гневом, придержал готового броситься на меня парня, что-то прошептал ему на ухо, потом кивнул своим людям, и те нехотя побросали мечи на пол.

– Арестуйте их и отведите во дворец! Доложите о них первому советнику короля барону Раулю де Одри, – приказала я и добавила: – Спасибо, капитан!

Тот молча поклонился, отдал приказ, и гвардейцы, проявляя недюжинную сноровку, выволокли арестованных из таверны.

Трактирщик даже не попытался потребовать с нас денег за учиненный разгром, он просто горько вздыхал, подсчитывая ущерб, нанесенный нами, да чесал затылок.

Я схватила порядком удивленного таким развитием событий Эрика за руку, подобрала вещи, спрятала на место возвращенную мне грамоту и поспешно вытащила его на улицу.

– Давай быстрее убираться отсюда! Если не успеем, нам конец! – вполголоса произнесла я и помогла ему оседлать коня.

Эрик молча кивнул, подтянул подпругу и вскочил в седло.

Выехать из города нам удалось без всяких проблем, и к вечеру мы проехали миль тридцать по дороге к морю. Заночевать решили в лесу, чтобы не искушать судьбу, и так не слишком к нам благосклонную в последнее время. По пути я наскоро ввела Эрика в курс событий, умолчав о своем происхождении, о сватовстве и о том, что я – девушка. Мое сообщение о происходящем перевороте он воспринял довольно спокойно, а о возможности войны и о стычке в лесу задело его за живое. Правда, описание своей роли во всей этой истории вышло у меня довольно скомканным, но он не заострил на этом внимания. В свою очередь, Эрик рассказал мне о своей схватке, о побеге, немного описал свою жизнь и работу в бродячем цирке, и к вечеру мы стали почти закадычными друзьями.

Мы съехали с дороги, когда начало темнеть, и уютно расположились на берегу небольшой речушки у подножия огромной сосны на толстом ковре из прошлогодней хвои. Найдя в переметной сумке Рыжего небольшой топорик, Эрик нарубил лапника и соорудил огромное ложе, на котором при желании можно было разместить человек пять. Я выложила на кусок чистой материи продукты, нарезала копченое мясо и хлеб крупными ломтями, почистила пяток сваренных вкрутую яиц и набрала в речушке воды.

Стреноженные кони мирно паслись на поляне, слабый ветерок овевал мое лицо, а лес дышал таким безмятежным спокойствием, что я легла на спину, закинула руки за голову и бездумно закрыла глаза. Тихое журчание речки вдруг перекрыл плеск от падения чего-то здоровенного, и тут же раздался крик:

– Винни! Айда купаться! – Эрик, вынырнувший метрах в десяти от берега, улыбался по самые уши и размахивал рукой.

Я представила себе его лицо, если я разденусь и, покачивая бедрами, пройдусь по берегу, и мне вдруг стало не по себе. Вот же угораздило меня родиться девчонкой! И так мне уже порядком надоело всячески маскировать свой пол, затягивать грудь корсетом и отбегать по нужде за тридевять земель. Парень, конечно, может быть стеснительным, но чтобы настолько…

– Что-то мне пока неохота. Я люблю плавать по утрам, когда еще темно. Да и с настроением что-то не очень… Давай-ка лучше вылезай, пора есть, а то у меня уже желудок сводит… – Я демонстративно схватила помидор и вгрызлась в его сочную мякоть.

Эрик поперхнулся, стер со своего лица улыбку и понуро вылез из воды. Я сквозь полуприкрытые ресницы внимательно рассматривала его тело и вдруг почувствовала странное тепло внизу живота. Сразу отвернувшись, чтобы он не заметил мои пунцовые щеки, я вылила себе на голову холодной воды из фляги. К тому времени, как он оделся, мне удалось справиться с собой и смотреть на него почти совсем спокойно. Он с удовольствием умял все, что я ему пододвинула, потом разжег костер, улегся на лапник и задумчиво уставился в огонь.

Тем временем совсем стемнело. Ветерок совсем стих. Треск костра, журчание реки, стрекот цикад и пение каких-то ночных птиц как-то неожиданно подчеркивали оглушающую тишину леса. Я лежала на спине и вспоминала

Эрика, выходящего из воды. Я, конечно, и раньше видела обнаженных мужчин, но сегодня в первый раз испытала удовольствие, о котором мне рассказывали мои старшие подружки. Представляя, как он прикоснулся бы ко мне рукой, как провел бы пальцами по моим волосам, как я бы дотронулась до его груди, по моему телу снова разлилось то же самое тепло. Я грезила наяву, и вдруг почувствовала прикосновение его руки к своей груди. Я как ошпаренная вскочила на ноги и чуть было не закричала, как он вдруг прошептал:

– Смотри, там, за рекой, – лось!

Однако, что-то услышав или увидев мое движение, огромный зверь неслышно исчез в чаще, и я успела увидеть лишь его круп, мелькнувший в кустах. Эрик с сожалением посмотрел на меня и спросил:

– Что ты так дернулся? Заснул, что ли? Я просто хотел, чтобы ты посмотрел, как красиво он смотрелся в бликах костра! Я тебя испугал? – переспросил он, присмотревшись к моему лицу.

– Да ладно, ничего страшного, просто сон приснился какой-то странный, – соврала я. – А то, что лося спугнула, действительно жалко!

Мы снова легли, и Эрик начал рассказывать о том, как ловил зайцев, когда им с отцом было нечего есть. Я прислушивалась вполуха, что-то отвечала невпопад, а сама пыталась как-то заглушить жар в том месте, где меня коснулась его рука. Через некоторое время мне это удалось.

Поболтав еще немного, мы накрылись плащами и, поворочавшись немного, провалились в сон.

Я проснулась от холода. Эрик во сне сгреб оба плаща, лежал, будто завернутый в кокон, и как-то по-детски сопел. Поворочавшись немного, я встала, оглянулась вокруг и, мысленно отвесив себе подзатыльник для раскачки, пошла к реке. Воды не было видно: туман толстым одеялом укутывал русло реки и приглушал без того тихий плеск волн, накатывающих на берег. Поежившись, я оглянулась на Эрика, потом отошла чуть выше по течению за ствол ивы, свесившей свои ветви в воду, и быстренько разделась. Вода оказалась обжигающе холодной, и я порядком замерзла, пока помылась и привела себя в порядок. Потом, подумав

немного, я отрезала свои волосы: вечно прятать их под шапкой мне порядком надоело. Представив, на что стала похожа моя голова, я еще раз окунулась в воду, потом выбралась на берег, негнущимися пальцами зашнуровала корсет и натянула на себя брюки и камзол. Огорченно отметив, что моя грудь еще выросла и уже с трудом умещается в корсет, я приступила к разминочному комплексу с мечом, которым вот уже лет семь начинала каждое новое утро…

– А у тебя был хороший учитель! – сонный голос Эрика, раздавшийся под конец упражнения, мне, откровенно говоря, польстил. – А как ты относишься к тому, чтобы немного поработать в паре?

Само собой, это предложение возражения у меня не вызвало, и через минуту Эрик увлеченно атаковал меня своим странным изогнутым мечом. Впрочем, как выяснилось буквально в течение первых пары минут, противопоставить ему мне было почти нечего: на любой мой удар он спокойно отвечал блоком или еще более неожиданной атакой. Что самое обидное, его тело казалось совершенно без костей, несмотря на весьма солидную комплекцию: он умудрялся выскользнуть из самых неудобных положений, при этом не напрягаясь и не сбивая дыхание. А удары ногами, коленями и невооруженной левой рукой меня просто сбивали с толку, а частенько и с ног. Минут через десять, окончательно сбив дыхание, я сдалась на милость победителя. Но отдохнуть мне не удалось: Эрик, нагло присвоивший себе права и обязанности моего учителя, занялся моей координацией и растяжкой. В результате через час с небольшим я не могла стоять на ногах от слабости в растянутых связках, а моя одежда промокла насквозь. Зато я почти поняла, как крутить заднее сальто, и более-менее освоила очень интересный и эффективный блок рукой. Решив, что я окончательно замучена, Эрик разбежался и, высоко подпрыгнув с небольшого обрывчика, камнем рухнул в воду. Так же, не раздеваясь, я отправилась вслед за ним. Наплававшись и наплескавшись вдосталь, мы плотно позавтракали и, мысленно попрощавшись с уютным местом, пустили коней в галоп…

Глава 9

Ольгерд

Беата была великолепна – легкими, почти невесомыми движениями своего любимого меча она гоняла по площадке свою соперницу, не первой молодости здоровенную бабищу, в здешней иерархии занимавшую место начальника штаба вооруженных сил, как бы выразился Вовка Глаз. Опытная, прошедшая огонь, воду и медные трубы воительница ничего не могла противопоставить изощренной технике моей сестры и здорово из-за этого бесилась… Несмотря на то что правила поединка жестко регламентировали степень реальности удара – ранение тяжелее царапины вызывало остановку боя и снятие проштрафившегося участника, – потерявшая голову тетка работала на грани фола. Однако самые неожиданные и частенько подленькие связки и удары Хвостик великодушно не замечала. Мало того, она еще и пыталась скрыть свои реальные возможности. Под возмущенный рев трибун она спокойно и размеренно лишала противницу свободы маневра, а чуть позже, загнав ее в угол небольшой площадки перед королевским троном, спровоцировала на необдуманную атаку и, подцепив кинжалом, зажатым в левой руке, выбила меч из ее ладони…

Озверевшая баронесса Униана, выронив клинок, еще пару раз пыталась рубануть увертливого противника, но, услышав издевательский хохот с трибун для простолюдинов, покраснела и сжала зубы. Мне показалось, что их скрежет было слышно далеко за пределами дворца.

«Однако она что-то чересчур самолюбива! – подумал я про себя. – И столь позорного проигрыша она Беате не простит. Придется держать с ней ухо востро…»

– Победителем этого боя объявляется госпожа Беата Коррин! – заорал глашатай и, не тратя время, объявил начало следующего боя…

Хвостик, совершенно не запыхавшись, поклонилась королеве, потом мне, что в который раз за сегодняшний день вызвало возмущенный ропот на трибунах, а потом и всем остальным, почтившим своим вниманием этот турнир зрителям…

Машка, от души врезав ей по подставленной ладони своей ладошкой, под присмотром Гарика и Семы рванула получать выигрыш – несмотря на то что Беата выигрывала уже шестой бой подряд, зрители упорно продолжали ставить против. Что здорово радовало нашего самозваного казначея…

– Осталось еще четыре поединка, и я смогу претендовать на местное дворянство! – довольно буркнула сестра, усаживаясь рядом: добрая половина одной из гостевых лож, снятая на все время турнира, была забита жителями Волчьего Логова. Всем, кроме Мериона и малышни, оставленной на попечении нянек, было интересно, чем закончатся бои. Наставник же, отпуская с нами восемь, по его мнению, очень нужных в замке человек, желчно заявил:

– Вот еще придумали развлечение на мою голову! Ну неужели там найдется хоть один хороший боец? Или бойчиха? В общем, хрен их там разберет! Оставь хоть пацанов, ирод! Что им мотаться туда-сюда – все равно Хвостик всех там уделает!

Однако, в чем я не сомневался ни секунды, ни один из тех, кого отпустил Дед на турнир, ни за что не отказался бы от бессмысленного, по его мнению, похода за тридевять земель…

Веселились все. Правда, по моему приказу эмоции выражали очень осторожно: и так на фоне сплошного матриархата на трибунах наша ложа, в которой на троих дам было аж шестеро мужчин, причем двое – темнокожие, смотрелась более чем странно…

Машка вернулась довольно быстро и, хихикая, кинула Женьке здоровенный кошель, судя по объему, набитый серебром:

– Этот я забрала, а еще два поставила на следующий бой! Ты как, Хвостик, не подкачаешь?

– Что именно мне надо подкачать? – ехидно зыркнув в сторону мгновенно покрасневших землян, Беата повела грудью под защитным жилетом и непонимающе повела плечами…

– Вот спасли на свою голову! – буркнул смутившийся больше всех Володя. – Мало того что лезет во всякое пекло, так еще и прикалывается!

– Может, ты вместо меня выступишь, джентльмен фигов? – хихикнула моя неугомонная сестра, намекая на то, что за два года на Элионе ни один землянин так и не научился нормально работать на мечах… – Вот они тебя за волосы бы оттаскали… и в кружева бы нарядили…

Глаз смущенно подергал себя за отросшие патлы и демонстративно поднял обе ладони перед собой:

– Сдаюсь!!!

Лерик, Нейлон и Урка, закусив губы, изо всех сил старались не заржать – несмотря на то, что смысл многих шуток землян до них не доходил, зрелище Беатиных издевательств над взрослыми здоровыми мужиками их здорово веселило…

Тем временем бой на площадке подошел к концу – будущая соперница Хвостика, наперсница королевы и фаворитка турнира, баронесса Клод Золиа повергла наземь свою противницу и, галантно подав ей руку, помогла подняться с земли.

– Хороша! – хмыкнула Беата, краем глаза следившая за поединком. – Со скоростью реакции у нее все в порядке… Тянет как минимум на Желтый… И пара финтов мне не знакома…

– Не будешь спать – справишься… – усмехнулся я и ткнул ее пальцем под ребро. – А то бродишь по площадке и зеваешь от скуки. Давай я тебе плечи разомну…

– Пусть Вовочка разомнет! – капризно надув губки, громко попросила она. – У него ладошки теплые и трясутся здорово!

Вся наша ложа грохнула от хохота: Глаз, о нежных чувствах которого не догадывались разве что кроты в окрестностях Волчьего Логова, густо покраснел и, на мгновение зажмурившись, робко пересел на скамью за моей сестрой…

– Вот это ручки! – не давая парню оклематься, завздыхала она. – Так бы и нежилась хоть всю жизнь, если бы не эти бои…

– Можно я ее пристрелю? – нахмурив брови, наконец разродился мыслью Щепкин.

– Меня? Ты у Ольгерда спрашиваешь? – развернувшись на месте, удивленно вытаращилась на него Хвостик.

– Эту, как ее, Клод! Которая там, на арене… Чтобы ты не вставала отсюда! – хмыкнул Гарик, ожесточенно грызущий уже, по-моему, восьмую, если не девятую, морковку. – И харэ вертеться – весь кайф ему обломила!!!

– Так!!! Можно поглядеть на обломок?

Если бы Вовка был дамой, он бы, наверное, упал в обморок от стыда, увидев, как Беата осмотрела его с ног до головы…

– На площадку приглашаются… – донеслось до нас тем временем, и сестра, разминая кисти, выскользнула из рук расстроенного парня и, не забыв игриво качнуть бедрами, вальяжно двинулась к судьям…

Бой получился что надо: Беата, вошедшая в раж, вытворяла такое, что умудрялась удивлять даже меня, как мне казалось, знавшего ее технику вдоль и поперек. Практически ни в чем не уступающая сестре Клод два раза даже салютовала особо удачным финтам поднятым вверх клинком своего полуторника. А трибуны визжали так, что я начал всерьез опасаться за состояние своих барабанных перепонок.

Зато судьи упорно «не замечали» результативных атак Хвостика, но при этом уверенно прибавляли очки баронессе Золиа за каждый намек на попадание. Скоро возмущаться начали даже отдельные зрители, а при счете семь-один в пользу баронессы Беата взвинтила темп настолько, что ее противница просто опустила меч, не успевая или не желая защищаться от атак!

Судья, пожилая однорукая дама, судя по шрамам, прошедшая через горнило не одной войны, «умудрилась» заметить лишь один результативный удар, и тогда взорвалась Клод. Прекратив бой, она, встав на колени, положила свой меч перед совершенно не удивленной таким поворотом событий Беатой и склонила голову в извечной позе побежденного!

Что тут началось! Трибуны визжали, наша ложа забыла про все свои обещания молчать и тоже присоединила свои голоса к возмущенно орущим женщинам… В судей полетели обрывки тканей, ленты, меткие медные монетки, и, представив, что на трибунах могли бы быть земные болельщики, я порадовался за здоровье местного судейства… Однако стоило судье встать, как на трибунах воцарилась

мертвая тишина:

– Баронесса Клод Золиа! За поведение, порочащее честь правящего дома, вы арестованы!!!

Четверо стражниц, рванувшиеся к стоящей на коленях женщине, вдруг замерли на месте: Хвостик, нехорошо усмехнувшись, скользнула между ними и своей противницей и чуть приподняла опущенный меч… Через мгновение я оказался рядом, а слишком шустрый, на мой взгляд, Урка возник за спиной судьи и приставил к ее горлу выхваченный из ножен метательный нож. Кинув взгляд на остальных, я понял, что каша, завариваюшаяся во дворцовом дворе, может оказаться слишком крутой: Глаз, вскинув руку с «АПСом», спокойно целился в королеву, а Гарик с Семой и двумя пацанами прикрыли своими спинами Машу и Женю…

Тишину, установившуюся над площадкой, прервали негромкие аплодисменты королевы:

– Неплохо, неплохо!!! Кто тут тявкает об аресте? Ты, старая дура? С чего это ты тут раскомандовалась? Что, больше некому голос подать? Убирайся вон, овца!!! Два года в поместье без права появляться в столице, поняла? – Металл, зазвеневший в голосе королевы, заставил съежиться не только проколовшуюся судью, но и испуганно опустивших свои алебарды стражниц.

– Подойди ко мне, девочка! – королева поманила к себе Беату и похлопала по освободившемуся по мановению ее руки креслу по правую руку от нее. – Я думаю, что того, что мы все тут увидели, вполне достаточно, чтобы признать тебя победительницей турнира! У кого-либо есть возражения? – хмуро оглядев ошарашенно молчащие трибуны, она удовлетворенно повела плечами и переключила свое внимание на все еще коленопреклоненную Клод: – И ты иди ко мне, Клод! Ты не меняешься, подруга! И это меня радует, демоны тебя подери!

Баронесса спокойно встала с колен, удивленно покосившись на поданную мной руку, и, проходя мимо меня, одними губами произнесла:

– А ты храбрый паренек! Подойди вечерком к моему поместью, и я уделю тебе немножечко времени!

И, не дожидаясь моей реакции, прошла мимо…

– Герольд! Турнир окончен! – тем временем рявкнула королева и, наткнувшись взглядом на Урку, успевшего убрать свой нож, но все еще стоящего в судейской ложе, перевела взгляд на меня и добавила: – Этих двоих под охраной ко мне в кабинет!

– Охрана им не нужна! – звонкий голос Хвостика заглушил приглушенный ропот трибун, расстроенных неожиданным финалом турнира, и вызвал приступ ярости от не ожидавшей возражения правительницы:

– Это еще почему?

– А толку? – хихикнула Беата, уютно устраиваясь в предложенном кресле. – Сколько, Ваше Величество, по-вашему, надо стражниц, чтобы удержать, например, вот этого мужчинку?

– По-моему, дерзкая девчонка, достаточно одной!

– Мне жаль вас расстраивать, но я бы не поставила и медного гроша на трех ваших лучших мечниц! – ухмыльнулась неисправимая хвастунишка. – Он – лучше!

– Что ж, посмотрим! – холодная ярость в голосе королевы заставила потянувшихся было к выходу зрителей бегом вернуться на свои места. – Я ставлю замок де Плие на то, что три мои лучшие мечницы зарубят твоего воина, девочка! Чем ответишь ты?

– Пусть ответит правой рукой! – прошипела баронесса Униана, мстительно поглаживая рукоять своего меча. – А то деньгами как-то несерьезно!

Королева испытующе посмотрела на гордо вздернувшую носик Беату и кивнула:

– Правильно, баронесса! Только вы тоже выйдете на арену против него! Как вам такое решение?

– Согласна! – вымученно выдавила из себя Униана и вопросительно посмотрела на Беату.

Хвостик, мило улыбнувшись недавней противнице, просто кивнула и, закинув ногу на ногу, поманила к себе служанку, замершую с бутылями вина на подносе рядом с входом в королевскую ложу…

Глава 10

Эрик

Море появилось перед нами внезапно: минуту назад мы еще ехали под сенью огромных дубов, с трудом видя лишь куски синего неба в просветах между огромными ветвями да кусок неизменной дороги впереди, как вдруг дорога взобралась на склон холма, лес отступил назад, и мы замерли, ошарашенные открывшейся перед нами картиной. Впереди, насколько хватало взгляда, простиралась бескрайняя водная гладь. С высоты холма было видно десяток кораблей, стоящих в порту, да несколько рыбацких лодок, прихотливо разбросанных по темно-синему зеркалу воды. Первые дома Сента начинались на середине склона холма в десятке полетов стрелы от нас, словно бы огромными ступенями сбегая прямо к самой воде. Дома были в основном одноэтажными, утопающими в зелени и цветах. Фруктовые деревья, нависающие над заборами, просто ломились от плодов. Город раскинулся вокруг небольшой бухты и оставлял впечатление сонного царства: полная тишина, царившая над ним, и отсутствие всякого движения на видимых нами улицах оставляли такое ощущение… Впрочем, в такую рань это было неудивительно…

Налюбовавшись на дышащую покоем водную гладь, я обернулся на замершего чуть позади Винни и спросил:

– А ты раньше видел море?

– Не-а! – покачал он головой, восторженно разглядывая великолепную картину.

– Тогда айда купаться! – Я дал Рыжему шенкелей, и мы наперегонки понеслись к такому близкому берегу.

Пляж был усыпан мелкими голышами, а волны с шипением набегали на узенькую полоску песка. Мы стреножили коней, я скинул с себя одежду и понесся к воде. Она оказалась довольно теплой и очень соленой. Я, отфыркиваясь, вынырнул метрах в десяти от берега и обернулся. Винни стоял у берега, полностью одетый, и с завистью в глазах смотрел на меня.

– Ты что там застрял? – крикнул я ему. – Вода просто прелесть!

Помахав ему рукой, я повернулся к нему спиной и поплыл подальше от берега. Отплыв достаточно далеко, я снова обернулся назад и увидел голову Винни, мелькающую в небольших волнах довольно близко от меня. Плавал парень намного лучше меня, по крайней мере, соревноваться с ним мне бы не хотелось. Его лицо, раскрасневшееся от удовольствия, вдруг пропало под водой. Я, приподнявшись повыше, пытался увидеть, куда же он нырнул, как вдруг его рука дернула меня за ногу и потащила вниз. Я с удовольствием нырнул и принялся отбиваться от неожиданно точных и резких движений. Почувствовав, что воздуха в легких начинает не хватать, я рванулся к поверхности, но не тут-то было: Винни не давал мне всплыть. Я из последних сил потянулся вверх, чувствуя, что вот-вот вдохну воду, как он вдруг подтолкнул меня к поверхности и практически вытолкнул из воды. Я попытался отдышаться, а Винни хохотал:

– Ну, как тебе ныряется? Я мстю, и мстя моя страшна! Думаешь, мне очень приятно было каждое утро чувствовать себя игрушкой в твоих руках? А теперь я счастлив: я хоть в чем-то лучше тебя. Так что, учитель, теперь я буду учить тебя плавать. А будешь себя плохо вести – утоплю!

Грозно нахмурив брови, Винни плеснул в меня водой и снова нырнул. Я завертелся как юла, однако через минуту его светлая головенка вынырнула метрах в сорока от меня. Он плыл легко и свободно, приближаясь к берегу, как будто его подтягивали туда канатом. Я уныло поплыл следом, даже и не пытаясь его догнать.

Винни, почему-то в исподнем, выбрался на берег и принялся натягивать на себя одежду. К тому времени как я выбрался на берег, он уже был полностью одет и ковырялся в сумке. Я влез в штаны и подошел к нему. Винни раскладывал еду на

кусок чистой белой тряпки и что-то напевал себе под нос. Я завалился рядом, подставив спину лучам палящего летнего солнца. Винни протянул мне кусок хлеба с мясом, потом взял себе такой же бутерброд и лег на бок. Он с интересом рассматривал меня, так что мне даже стало немного не по себе.

– А давай сегодня пойдем по бабам? – вдруг спросил меня Винни. – А то что-то мне стало скучновато!

Я отрицательно покачал головой:

– Ты знаешь, я не любитель дамочек легкого поведения. Если честно, то мне даже похвастаться нечем. К сожалению, я в основном старался выжить. Поэтому каждый медяк, заработанный во время представлений или на подвернувшихся работах, я отдавал отцу.

– Да ладно, с твоей фигурой на тебя должны были вешаться все девчонки в городе! – удивленно заметил Винни. – Неужели ты – девственник? – Он вдруг засмеялся.

– Да, представь себе! И вообще, я не люблю лгать. – Я вдруг вспыхнул и привстал на локте. – И нечего надо мной смеяться, а то не посмотрю, что ты меньше, и отшлепаю.

Винни совсем закатился от хохота. По его щекам потекли слезы, а лицо пошло красными пятнами…

– Перестань! – Я вскочил на ноги и, нахмурившись, рванул его за грудки к себе. Ткань хрустнула, пуговицы разлетелись по сторонам, и моему взгляду предстала весьма аппетитная женская грудь. Я покраснел и сел на камни. Винни тоже покраснел, или, правильнее будет сказать, покраснела, но не перестала смеяться. Ее хохот перешел во всхлипывания, а потом в рыдания, и мне вместо задуманной взбучки вдруг пришлось ее утешать.

– Я просто устала притворяться… – ее смех плавно перешел в слезы, и я, вдруг почувствовав себя виноватым, начал гладить ее по голове. – Единственный друг, который у меня есть, – ты, и лгать тебе мне надоело. Кроме того, ты намного сильнее меня и мог бы теоретически воспользоваться моей слабостью. А, как оказалось, ты достоин правды. Поэтому я и решила все тебе рассказать…

Винни кое-как запахнула порванную рубашку, села напротив меня и, утерев слезы рукавом, начала свой рассказ заново…

– Теперь ты знаешь все. Если ты не будешь считать меня обузой, то я хотела бы и дальше путешествовать с тобой.

Я утвердительно кивнул и, задумчиво посмотрев на нее, вдруг рассмеялся:

– Значит, я чуть было не отшлепал саму принцессу Оливию по ее королевской попке? Ох, не миновать мне ужасной казни через утопление в море! – Потом, слегка задумавшись, добавил: – А ты, коварная особа, не могла мне это раньше рассказать? А то я расхаживал перед тобой голышом, смущая Ваше Высочество!

Слегка покраснев, я добавил:

– Хотя мне, честно говоря, немного не по себе…

– Ты так пытаешься нарваться на комплимент? – ехидно улыбаясь, Оливия-Винни ткнула меня кулаком в плечо и снова рассмеялась: – А что, тебе есть что показать…

Окончательно засмущавшись, я встал и направился к морю.

– Ты куда? – спросила вслед мне Оливия.

– Топить свое горе. Я сегодня лишился близкого друга. Мое отчаяние не знает границ. Кроме того, теперь уже нормально не позагораешь… – Целомудренно оставшись в брюках, я полез было в воду.

– А у меня возникла неплохая идея! – интригующе заметила девчонка и добавила: – А ну-ка, вернись!

Она вытащила из переметной сумки двое брюк и майку, потом вытащила из перевязи метательный нож, отрезала штанины и протянула одни мне:

– На, загорай на здоровье.

– Кстати, – добавила она тут же, игриво улыбаясь, – а не слишком ли я их укоротила? А то вдруг что выпадет?

– Не страшно: ты ведь уже все одобрила. И потом, теперь моя очередь тебя разглядывать…

Оливия тут же вспыхнула, потом, увидев улыбку на моем лице, улыбнулась в ответ, быстро отрезала рукава у рубашки, потом укоротила ее, оставив спереди две длинные ленты, и приказала:

– Отвернись!

С интересом дождавшись повторной команды, я повернулся и оглядел ее с ног до головы. Там было на что посмотреть: длинные стройные ноги с сильными тренированными мышцами, покрытые синяками от моих ударов; не широкие, но очень женственные бедра, плавно переходящие в узкую талию; полная грудь с торчащими сквозь тонкую ткань сосками. Я восторженно поцокал языком, потом попросил ее повернуться кругом.

Оливия слегка зарделась, но плавно развернулась:

– Ну, что скажешь?

Я дождался, пока она повернется, потом глубокомысленно задумался и, состроив серьезное лицо, произнес:

– Не могу понять, куда ты прятала такую роскошную грудь? А в общем, ничего!

Увидев, что я рассмеялся, она рванулась ко мне, сбила меня с ног, села на грудь и, приставив к моей шее нож, прошипела:

– Места знать надо! – Потом скорчила грозную рожу и добавила: – И где это ты видел лучше?

Я перехватил ее руку, скинул Оливию с себя, подхватил ее на руки и, подбежав к морю, забросил ее подальше. Она с радостным визгом грохнулась в воду, поманила меня пальцем и весело рассмеялась. Состроив умоляющую мину на лице, я на дрожащих полусогнутых ногах побрел к ней, взглядом умоляя о пощаде. Увы, она оказалась неумолима и выпустила меня на берег только часа через два. Я был утоплен раз десять, потом учился плавать и нырять под ее руководством, а еще позже мы просто от души поваляли дурака. И я был почти счастлив – девочка отвлеклась от снедающих ее мыслей о пропавшем отце…

Вечер застал нас на постоялом дворе в порту. Плотно поужинав, мы сидели неподалеку от горящего камина и прислушивались к разговорам за переполненными столами. Тем для праздной болтовни было немного: будущая коронация принца Керрома, причины отказа от престола короля Диона, еда и женщины… Оливия в своей неизменной охотничьей шапочке задумчиво смотрела в огонь и о чем-то усиленно размышляла. Потом, прикусив губу, она задумчиво посмотрела мне в глаза и поинтересовалась:

– Ну, до Сента мы добрались… Что будем делать дальше?

Я встал из-за стола, подхватил переметные сумы и сумку Оливии и, коротко кивнув в сторону лестницы на второй этаж, пробурчал:

– Думаю, об этом можно поговорить и в нашей комнатке… Ты не против?

…Ввалившись в комнату под самой крышей, в которой тем не менее были две довольно приличные кровати, мы скинули порядком поднадоевшую обувь и приняли горизонтальное положение… Я немного поворочался, принимая удобное положение на продавленном сотнями постояльцев матрасе, и поинтересовался у нетерпеливо поглядывающей на меня девушки:

– Ты что-нибудь слышала про Обитель Последнего Пути?

Оливия отрицательно мотнула головой:

– Я жила очень уединенно. Папа, – на ее глаза навернулись слезинки, – старался оградить меня от всего, что шло из большого мира…

– Странно! – удивился я. – Неужели из вашего графства ни один воин никогда не уходил в Обитель? Не может этого быть!

– Может, кто-то куда-то и уходил, но мне об этом не говорили и я об этой Обители не слышала точно… Давай, рассказывай! – заинтригованно заворчала она.

Я задумался, вспоминая, как меня, мальчишку с горящими глазами, получившего в подарок свой первый меч и спешащего дорваться до тренировки, придержал за рукав отец и в своей непередаваемой манере в первый раз рассказал про Великих воинов Обители…

– Тридцать восемь циклов назад в первый раз распахнулись Врата, и на Последнюю Тропу хлынул Легион Тьмы. Страшные Твари, быстрые, как молния, и жестокие, как тигры-людоеды, пришли на Элион, чтобы смести человечество с его лица… Железная поступь смерти ввергла жителей окрестных городов в безумную панику: многотысячное войско Аниора, посланное навстречу легионам Тьмы, было уничтожено за полдня, причем Твари потеряли в этой битве чуть более двух сотен воинов… Казалось, что гибель человечества неизбежна… Четыре месяца короли двенадцати государств собирали войско, которое смогло бы уничтожить эту смертельную угрозу. Почти двести тысяч солдат с половины обитаемого мира собрались под знаменами объединенного войска Элиона и в кровавой битве уничтожили расплодившихся за это время Тварей… Сорок тысяч жизней ушло на алтарь победы. Однако найти ту страну, откуда явились Легионы Тьмы, войску не удалось: казалось, что Твари возникли в Аниоре прямо из воздуха. Удостоверившись, что последнее чудовище уничтожено, войска были распущены и жители всех двенадцати государств отпраздновали великую победу. Казалось, что настал золотой век: объединившиеся перед лицом опасности народы стольких стран чувствовали свое единство и жили душа в душу… Не тут-то было: не прошло и семи лет, как двое охотников, возвращавшихся с добычей домой, на узенькой горной тропе столкнулись с передовым отрядом Легионов Тьмы… Уйти сумел только один, и благодаря ему люди снова узнали о Пришествии… Остановить врага на этот раз удалось намного быстрее – их самки не успели отложить икринки, и ущелье Последней Тропы превратилось в их братскую могилу… С тех пор каждые семь лет в этом ущелье отверзаются Врата и оттуда в наш мир лезет самый страшный враг, которого знал Элион: Твари!

– Содержать такую армию, наверное, было ужасно дорого! – мечтательно уставившись в пустоту, буркнула Оливия и, сфокусировав на мне взгляд, добавила: – И появилась Обитель!

– Почти! Ее построил король Аниора когда-то очень давно… Потом Обитель стала самостоятельной, и воины, подготовленные там, ценятся во всем Элионе – любой из сильных мира сего с удовольствием имел бы таких телохранителей, но, увы, это невозможно! Воины, готовые идти на смерть ради всего человечества, не размениваются по мелочам…

– Тут, пожалуйста, подробнее! – Оливия отвлеклась от своих мыслей и пристально посмотрела на меня: – Зачем мы им? Или они – нам? Стать адептами Обители и забыть про возможность вернуться домой мне как-то не улыбается, веришь?

– Не ершись, Оливия! – Я грустно улыбнулся и перевернулся на бок, устраиваясь поудобнее. – Обители больше нет… Говорят, что ее сжег Орден! Но адепты закрыли Врата Тьмы навсегда и скрылись в горах… Теперь, когда Легионы Тьмы больше не угрожают Элиону, у них появился новый враг! И кто, по-твоему?

– Орден? – сообразила она и закусила губу: орать об этом в людном месте явно не стоило…

– Наверное!

Оливия вздохнула, смахнула со щеки непрошеную слезинку и грустно улыбнулась:

– Я бы, конечно, хотела найти папу, но далеко не так наивна, чтобы не понимать – шансов на это у меня нет. Что я смогу сделать одна? Или даже с тобой? Увы, ничего… Кроме того, как мне кажется, в королевство Миер скоро придет война. Король… папа… в общем, во время беседы во дворце Дион сказал мне, что вероятность того, что из-за сорвавшегося сватовства и гибели их посла Орден пойдет на нас войной, весьма велика. Мало того, как мне кажется, в ближайший год, если не два, мой гнусный братец перероет все королевство в поисках своей непутевой сестрицы. И не успокоится, пока не найдет… Значит, отсюда надо сваливать, и куда подальше… Мне жутко страшно, конечно, но что поделать? Так что я готова ехать на поиски твоей Обители или туда, куда поедешь ты.

Кроме тебя, у меня никого нет. Так уж получилось… Прости…

– Значит, едем в Аниор? И начинаем поиски там?

– Значит, едем…

– Одно плохо! – посетовал я. – В Аниоре Орден. И там опасно…

– Он скоро будет и тут. В дополнение к уже имеющемуся принцу Керрому…

– Ладно, тогда я сбегаю вниз, поспрашиваю по поводу кораблей, отплывающих до Эразма, а потом захвачу что-нибудь вкусненькое и вернусь…

Сбежав по ступенькам скрипучей до безобразия лестницы, я подошел к трактирщику, поболтал с ним о всякой всячине и, разузнав что можно о кораблях, отплывающих до Эразма, направился к столику, за которым, по словам хозяина трактира, ужинала команда нужной мне шхуны.

Особых проблем с капитаном не возникло: получив причитающуюся с нас плату, он рыгнул, опрокинул в свою огромную пасть очередную кружку с каким-то пойлом и рявкнул:

– Отплытие в пять утра. Ждать не буду. Свободен!

Я кивнул и вернулся к Оливии. Выслушав меня, она спросила:

– А что с конями?

– Пришлось доплатить. Так что с деньгами у меня уже не очень хорошо… Впрочем, я смогу подработать шутом… и жонглером… и метателем ножей… В общем, не пропадем!

Оливия отвела взгляд от окна и улыбнулась:

– Этого добра у меня достаточно. В общем, определились! А теперь главное не проспать…

Глава 11

…Промозглый моросящий дождик медленно, но уверенно превращал и без того не особенно хорошую дорогу в непроходимое болото. Пара всадников, чего-то ждущие на лесной поляне, расположенной довольно далеко от ближайшего жилья, то и дело с тревогой посматривая на небо, темнеющее прямо на глазах, все больше и больше мрачнели. Встреча, назначенная на этом месте еще три месяца назад, не могла не состояться, однако, учитывая проходимость дороги в непогоду, ожидание могло здорово затянуться. Судя по промокшим сутанам, виднеющимся из-под дорожных плащей, оба всадника были монахами, причем старший из них – довольно высокого ранга. Второй – худой, жилистый орденец, нервно потирающий мокрой ладонью рукоять подвешенного к луке седла боевого топора, однозначно его побаивался. Впрочем, старшему, сидящему на коне с откинутым на плечи капюшоном, на этот страх было наплевать: он молча вглядывался в наступающую темноту и, то и дело смахивая со лба дождевые капли, приглушенно кого-то клял…

Наконец где-то в стороне Веллора, столицы королевства Миера, раздался плеск и топот копыт, и в вечернем полумраке из-за поворота дороги показался грузный, немного неловко сидящий в седле всадник, с головой укрытый капюшоном темного, почти черного плаща. Заметив замерших в неподвижности мужчин, всадник перевел коня на шаг, приподнял ладонь в приветственном жесте и, дождавшись ответного приветствия, подъехал к парочке вплотную.

Хмурый, не выражающий никакой радости от факта встречи взгляд старшего из двух ожидающих его монахов заставил его поежиться, и, словно скрывая свой страх под показной бравадой, он негромко поздоровался…

– Как я понимаю, щенок вышел из-под контроля? – не утруждая себя приветствиями, мрачно поинтересовался старший орденец, испытующе глядя в глаза своему собеседнику.

– Увы, да, ваше высокопреосвященство! Как мне кажется, вкус власти оказался слишком пьянящим для него…

– Что ж, барон Морз! Я так и думал. Значит, наши договоренности теряют смысл, не так ли?

– Может, не стоит так однозначно, ваше высокопреосвященство? – стараясь не показать своего страха, залебезил барон. – Он еще молод и не наигрался властью…

– У нас нет времени ждать, пока он натешится! – рявкнул монах, раздраженно удерживая на месте испуганно рванувшегося с места жеребца. – Мне нужно, чтобы он начал войну с королевством Дореда! Не позже чем через полгода! Иначе за вашу жизнь, глубокоуважаемый граф, я не дам и ломаного гроша…

– Начнет, обязательно начнет, ваше высокопреосвященство… – ощутив, как начинает дрожать подбородок, пробормотал Морз. – Я просто в этом уверен!!! Я вам это обещаю! Только можно, чтобы отец Стипо самую чуточку увеличил дозу?

– Нет! Нельзя! Он знает, что делает! А у вас есть дополнительный стимул приложить все свои силы для реализации моего плана, понятно?

– Н-ну, пожалуйста, ваше пре… – заныл было граф, но замолчал на полуслове. Его щеку ожег удар хлыста, и брезгливо сморщившийся монах, развернув коня, презрительно процедил сквозь зубы, еле сдерживая в себе желание рубануть мерзкого человечишку топором:

– Не унижайтесь, барон! Самое большое удовольствие не стоит того, чтобы ради него так пресмыкаться…

Снова тоненько свистнул хлыст, и застоявшиеся кони, аккуратно ставя ноги в полные водой рытвины, двинулись в обратный путь…

Дождавшись, пока оба ненавистных монаха скроются в пелене дождя, барон взвыл, как бешенный пес, потом разорвал на себе камзол и вцепился ногтями в горящую огнем грудь…

Глава 12

Ольгерд

– И много у вас таких? – удивленно поинтересовалась у Беаты королева Шеина, отпив из серебряного бокала темного, похожего на кровь вина.

– Да, собственно, не очень! Но хватает…

– Интересно! – ничуть не расстроенная потерей замка королева мечтательно посмотрела в пламя, бушующее в растопленном камине, и, не отводя взгляда от его прихотливо извивающихся язычков, добавила: – А правда, что у вас там, на севере, правят мужчины?

– Правда, Ваше Величество! – Беата, пододвинув к робко ютящейся рядом с нею Евгении блюдо с жареными перепелами, жестом попросила поделиться ими с Машей и снова повернулась к царственной собеседнице: – Мало того, и армия у нас состоит из мужиков. А женщины не воюют… Ну, почти…

– Как, вообще? – не поверила ей Шеина. – Нет, я, конечно, об этом слышала, но все-таки… что они делают?

– Да то же самое, что у вас мужчины! Детей воспитывают, хозяйством занимаются…

– Скучно… Я бы не смогла, наверное…

– Я бы тоже не смог сидеть дома и полировать мебель… – буркнул я, прожевав здоровенный кусок мяса и выискивая, что бы еще можно было бы попробовать вкусненького и сытного…

– Так что же вы бросили такую милую для вас жизнь и перебрались к нам, осмелюсь я у вас спросить? – с ехидцей в голосе поинтересовалась королева, глядя на меня испытующим взглядом. Пришлось прочесть ей лекцию о происходящих на Элионе событиях…

Внимательно выслушав все, что я хотел ей рассказать, Шеина довольно мрачно посмотрела на пустующее напротив нее место баронессы Унианы, которую я, при всем своем желании добром войти в местное высшее общество, не стал

оставлять в живых, потом перевела взгляд на весело уплетающую что-то сладкое Клод и пробормотала:

– Учитесь! Вот это и называется грамотный анализ политической обстановки… Эх, демоны меня подери, как мне не хватает толковых людей… одни интриги, интриги, интриги… Что вам от меня надо, заговорщики? – Она выпрямилась и посмотрела в глаза Беате, видимо, ожидая от нее такого же прямого ответа.

Хвостик, не вынимая изо рта косточки, мотнула головой в мою сторону.

Королева усмехнулась и посмотрела на меня:

– Никак не могу привыкнуть! Ладно, говори…

– Собственно, пока ничего особенного, Ваше Величество. Мы обосновались в стороне от ваших городов и деревень, за пределами вашего королевства и не претендуем на ваши земли. Нам хотелось бы иметь возможность с вами торговать и, как ни странно это будет звучать на первый взгляд, иметь статус дружественного города. Со своей стороны, мы готовы помочь вам всем, чем сумеем. Например, мы можем готовить ваших воинов по более прогрессивным методикам, чем те, что есть у вас. Кроме того, у нас есть возможность помочь вашему внешнеполитическому ведомству как информацией, так и советом…

– Так, для затравки вполне достаточно! – фыркнула королева и, наткнувшись на мой удивленный взгляд, улыбнулась: – В принципе, ваше предложение мне подходит… Но решать такие вопросы за столом – не в моих привычках… Поэтому я намерена эдак завтра с утреца напроситься с вами на небольшую прогулку… В это самое ваше Волчье Логово… Надеюсь, вы мне не откажете?

– Как вы могли о таком даже подумать, Ваше Величество? – ухмыльнулся я и, привстав, подлил вина в ее бокал. – Будем рады принять вас в гостях!

– Тогда я предлагаю тост за сотрудничество! – провозгласила королева и от всей души врезала своим бокалом по моему…

…Все три дня в Волчьем Логове королева провела в обществе Мериона – Дед, обаявший ее буквально с первых минут знакомства, увлеченно беседовал с ней о политике, об экономике, о проблемах подрастающего поколения и преемственности власти. Сияющее лицо властительницы Нианга уже в первый вечер начало здорово действовать на нервы Евгении, и если бы не заступничество Маши и Хвостика, то хорошего скандала было бы не избежать. А так ревнующая к «этой тупой мышцастой корове» женщина заперлась с дочкой в своих покоях и старалась не высовывать оттуда даже носа… Ленка, дочка Мериона, радовалась этому, как могла, – не так часто ее вечно занятая в своем «лазарете» мать уделяла ей столько времени. Наш Самирчик, сосланный туда же на второй день, этого веселья не одобрил: как будущий воин, он не понимал, за что его лишили возможности наблюдать, как на тренировочных площадках добрые дяди дерутся блестящими железяками или шумно пыхтят в пыли…

А вот остальная свита королевы не находила себе места – чопорные воительницы, с неодобрением глядящие на «почувствовавших волю», как выразилась одна из них, мужиков, первые несколько часов только презрительно фыркали, глядя на тренировки нашей молодежи. Но стоило Нейлону с издевкой поинтересоваться, для чего женщинам оружие, как двор замка превратился в сущий бардак: смешанные пары звенели мечами в поединках, частенько выходящих за грань тренировочных. Если бы не уровень подготовки ребят, позволяющих без особого вреда для себя сдерживать атакующий пыл дам, без членовредительства там бы не обошлось. А так гостьи отделались ссадинами, порезанным в разных местах обмундированием и ущемленной гордостью – к их безумному сожалению, победить «никчемных мужиков» не удалось ни одной из них…

Обиды залили вином. На ужине в честь королевы. Килия, жена Ломара, расстаралась вовсю – стол ломился от дичи и свежих овощей и фруктов, а коллекция вин Мериона благодаря энтузиазму гостей стала меньше как минимум на четверть. К часу Глухаря, когда небо чуть подернулось легкой розовой дымкой, – предвестником еще не скорого рассвета, или к четырем утра по земному, королева Шеина с трудом оторвалась от очередного кубка и, покачиваясь, отправилась в выделенные ей покои…

Следующие несколько дней замок напоминал осиное гнездо: не замолкающий ни на минуту гул возбужденных голосов, казалось, был слышен даже на тракте. Нашедшие общий язык воины и воительницы звенели мечами, отрабатывая какие-то заинтересовавшие их комбинации, личная охрана королевы,

уверившаяся в безопасности своей госпожи, дорвалась до тренажеров Мериона и под руководством Лерика постигала азы нашего рукопашного боя. Шеина, зарывшаяся с Мерионом в карты различных областей Элиона, до хрипоты обсуждала какие-то интересующие их обоих вопросы большой политики… И только лишь я с Машей, Евгенией и Беатой казались со стороны лишними на этом празднике жизни и поэтому предавались заслуженному безделью. Вернее, развалившись на теплом песке у протекающей неподалеку речушки, загорали и успокаивали беснующуюся от приступов ревности Евгению. Самирчик и Ленка, дурея от присутствия родителей, скакали вокруг, как ненормальные, доводя до белого каления млеющего на солнцепеке Хмурого: здоровенный боевой пес, не терпящий ни от кого даже намека на панибратство или неуважение, в руках наших малолетних бандитов превращался в кусок ветоши. Дергали ли его за уши, вталкивали ли в пасть вываленный язык, теребили ли за обрубок хвоста или зарывали в песок – пес стоически выносил издевательства и лишь иногда легко порыкивал, что, по моим ощущениям, должно было соответствовать брюзжанию влюбленного во внуков старика…

А я, как ни странно, чувствовал себя счастливым – за последние два года, прошедшие с момента возвращения с Земли, у меня было так мало возможностей уделять время семье! Откровенно говоря, я присутствовал только на нашей свадьбе и родах Маши, и то потому, что эти два мероприятия почти совпали, – все остальное время я был занят проблемами, наваливавшимися на нашу компанию, как волны на берег в семибалльный шторм… И если бы не мудрость и понимание моей взбалмошной когда-то супруги, я бы, наверное, смог сделать так много… Впрочем, в Маше я был уверен с самого начала нашего знакомства…

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/ru/gor-_vasiliy/vrag-moego-vraga

Текст предоставлен ООО «ИТ»
Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: Купить